Р3 р9к

Аркадій Аверченко.

ДѢТИ

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

съ приложеніемъ

„Руководства къ рожденію дѣтей“

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“
Г. ПАХАЛОВА, О. ЦИГОЯНЪ и М. ШАКАЙ.
Кон--поль.
1922.

РУ
24162

ПР

Рэ ред ф.
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

074
28 4

ДЂТИ.

Введеніе.

Для выпуска настоящаго сборника у меня имѣлись два вѣскихъ основанія:

1) Я люблю дѣтей.

2) Дѣти любятъ меня.

Лицамъ, мало знакомымъ съ моей біографіей, я долженъ признаться, что когда-то самъ былъ ребенкомъ, и, такъ какъ память объ этомъ розовомъ періодѣ моей жизни до сихъ поръ живо сохранилась въ моемъ мозгу, то мои разсказы „О дѣтяхъ", такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ плѣнительный профессіональный отпечатокъ откровеній спеціалиста по дѣтскому вопросу.

Все должно быть логично: Вересаевъ былъ врачемъ; онъ написалъ „Записки врача"; Купринъ былъ военнымъ; онъ написалъ „Поединокъ". Я былъ ребенкомъ; пишу о дѣтяхъ.

Впечатлѣнія спеціалиста — всегда цѣнный вкладъ въ данный вопросъ.

Помню, съ какимъ удовольствіемъ прочелъ я недавно „Записки Палача“ Шарля Сансона, отрубившаго голову Людовику Шестнадцатому—знаменитаго Сансона, представителя ряда поколѣній, цѣлой династіи Сансоновъ—палачей, въ теченіе двухъ вѣковъ прилежно рубившихъ парижанамъ головы.

Хорошо пишутъ спеціалисты!

* * *

У дѣтей я имѣю шумный успѣхъ, потому что раскусилъ одинъ нехитрый фокусъ: никогда не показывайте, что вы умнѣе ребенка; почувствовавъ ваше превосходство, онъ, конечно, будетъ уважать васъ за глубину мысли, но самъ сейчасъ же молніеносно уйдетъ въ себя, спрячется, какъ улитка въ раковину,

У меня пріемъ обратный: съ дѣтьми я прикидываюсь невѣроятно наивнымъ, даже жалкимъ человѣчишкой, который нуждается

въ покровительствѣ и защитѣ. Можетъ быть, въ глубинѣ души, малышъ даже будетъ немного презирать меня. Пусть. Зато онъ чувствуетъ свое превосходство, милостиво беретъ меня подъ свою защиту и душа его раскрывается передо мной, какъ чашечка цвѣтка передъ лучемъ солнца.

Охъ. какъ много надулъ я этимъ пріемомъ маленькаго довѣрчиваго народа, и сколько я знаю о немъ такого, чего умные, покровительственно хлопающіе малыша по плечу —не знаютъ.

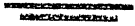
Нѣкоторые изъ моихъ бывшихъ маленькихъ друзей уже выросли. Вотъ-то, навѣрное, ругнутъ меня, когда узнаютъ, какъ ловко обошелъ я ихъ.

Простите меня, голубчики. Я это дѣлалъ на пользу великой чудесной русской литературы.

Это я дѣлалъ, чтобы внести свою скромную пчелиную лепту въ ея необъятную сокровищницу.

А, впрочемъ, можете и сердиться мои бывшіе маленькіе друзья. Такъ какъ вы теперь уже огромные—то мнѣ все равно.

А. А.



Руководство къ рожденію дѣтей.

Знаменитый Клемансо сдѣлалъ слѣдующее оффиціальное заявленіе въ парламентѣ:

Въ мирный договоръ не включено для Франціи обязательство имѣть какъ можно больше дѣтей, а между тѣмъ оно должно бы стоять тамъ на первомъ мѣстѣ.

Если Франція откажется отъ многочадія, то напрасно вы будете включать въ договоръ самые мудрые параграфы, напрасно будете отнимать всѣ пушки у Германіи,—Франція, все таки погибнетъ, потому что не будетъ больше французовъ.

— Итакъ — фактъ на лицо, у французовъ, именно *у французовъ* — нѣтъ дѣтей.

Справедлива, значитъ, пословица, что сапожникъ всегда ходитъ безъ сапогъ.

Какъ же устранить это ужасное зло — бездѣтность—зло, грозящее гибелью, вымираніемъ цѣлой націи?

Хотя я и занимаю въ журнальномъ мірѣ мѣсто премьера, однако—дѣлать нечего — вопросъ слишкомъ серьезенъ — взялъ я скромную репортерскую записную книжку, остро отточенный карандашъ и отправился, какъ самый простой репортеръ, кое-кого проинтервьюировать.

I. У ИВАНА КАПИТОНЫЧА ТРЕПАКИНА.

— Да! Да! — сказалъ мнѣ при первомъ моемъ вопросѣ почтенный негоціантъ.— Читалъ я тоже, читалъ и ужасался!

— Скажите, какія бы вы предложили мѣры для устраненія этого зла?

— Да вѣдь вы знаете, что такое французъ? Это-жъ прямо таки удивительный человѣкъ. Ему бы все только—тру-ля-ля! Какъ только вечеръ, онъ сейчасъ же надѣваетъ цилиндръ и бѣжитъ въ Елисейскія Поля плясать съ гризетками канканъ. А я бы такъ

сдѣлалъ: Елисейскія Поля—закрыть! Каруселькую площадь—закрыть! Не время теперь на каруселяхъ раскатываться. И Грандъ-Опера закрылъ бы. Сиди дома съ женой — вотъ тебѣ и вся Опера. И чтобы въ 9 часовъ вечера на улицахъ всякое движеніе прекращать. Какъ вышелъ на улицу — сейчасъ же полисмэнъ за шиворотъ—цапъ! «Куда? Пошелъ домой»! Вѣдь я, голубчикъ мой, француза во какъ знаю; отнимите у него тру-ля-ля, отнимите Карусельскую площадь, канканы-шантаны—да вѣдь онъ вѣрнѣйшимъ мужемъ сдѣлается! Вѣдь у него тогда, батенька, другого и дѣла не будетъ, какъ дома около жены сидѣть да дѣтокъ рожать. Онъ-то,—французъ,—тогда на Мопассана и смотрѣть не захочетъ. Такъ и запишите.

Такъ и записываю.

II. СОСѢДЪ ПО СКАМЕЙКѢ НА БУЛЬВАРѢ.

Я спросилъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

— Такъ, кое-что покупаю, продаю.

— А раньше?

— Правду вамъ сказать—дѣло прошлое — при жандармской охранкѣ въ провокаторахъ служилъ.

— Гм... да. Но, все таки, вы, можетъ быть, скажете—какимъ бы способомъ увеличить во Франціи дѣторожденіе?

— Какимъ способомъ? Ясный способъ.

— Именно?

— Скажемъ, живетъ въ предмѣстьи Сентъ-Оноре молодой человѣкъ Жанъ. И въ томъ же предмѣстьи проживаетъ также дѣвица Луиза. Что же дѣлаю я? Иду къ этой самой Луизѣ и говорю: «Ахъ, мадмуазель Луиза... Вы ранили стрѣлой Амура сердце одного моего друга». Вы же сами понимаете, что за любопытная публика — дѣвушки. Сейчасъ же: «Ахъ, ахъ, кто такой?» — «А

вотъ этотъ самый Жанъ, живущій въ предмѣстьи Сентъ-Оноре». И вотъ уже затравка сдѣлана. Тутъ я иду къ Жану и говорю ему: «Бонжуръ, монъ ами Жанъ» — «Бонжуръ» — отвѣчаетъ Жанъ. Подмигну я ему этакъ, ткну пальцемъ въ бокъ —французы это любятъ—и скажу: «Бонжуръ-то бонжуръ, а зачѣмъ вы сердце одной барышни разбили — вотъ вы мнѣ на какой вопросъ отвѣтьте!?». Сейчасъ же — гдѣ, да что, да познакомьте, ну, тамъ и пошло!

— Виноватъ, — это вы говорите о бракѣ, а меня интересуетъ вопросъ о дѣтяхъ. Вонъ мнѣ одинъ свѣдующій человѣкъ разсказывалъ, что, какъ только вечеръ—французъ надѣваетъ цилиндръ и бѣжитъ въ Елисейскія поля плясать канканъ.

Собесѣдникъ торжествующе разсмѣялся.

— Побѣжитъ? У меня не побѣжитъ. Пусть-ка попробуетъ. Я его тутъ же на улицѣ у самаго дома встрѣчу: «Куда, монъ ами Жанъ?»—«Иду съ кокотками канканъ плясать».—«Ага! А я къ вамъ иду посидѣть. Ну, да вы отправляйтесь, а я ужъ посижу-

съ вашей женой, чтобъ ей скучно не было. Ахъ, какой вы, монъ шеръ, счастливый человѣкъ, что у васъ такая жена! Что за грудь, что за плечи. А ножки! Воображаю также, какъ она цѣлуется!». Такъ вѣдь онъ послѣ этихъ моихъ словъ, какъ соленый заяцъ, обратно домой побѣжитъ!! И ужъ можете себѣ представить, что не онъ въ Елисейскихъ Поляхъ, а я у него черезъ годъ на крестинахъ канканъ плясать буду!

III. У ПОЧТОВАГО ЧИНОВНИКА ПОЧЕЧУЕВА.

Когда я пришелъ къ нему и задалъ ему первый вопросъ—онъ долго не могъ понять, чего я отъ него хочу.

Понявъ, наконецъ, просіялъ.

— Что сдѣлать, чтобы у французовъ были дѣти? Очень просто! нужно ввести покровительственную, мажоритарную систему!..

— То есть?

— А вотъ такъ: скажемъ у человѣка одинъ ребенокъ. Дается ему на рукавъ пиджака одна нашивка, въ родѣ, знаете, какъ

у солдата, получившаго на войнѣ одно раненіе. И по этой нашивкѣ —ему всюду дѣлается скидка 10%. Пришелъ въ лавку — вещь, стоящая 10 франковъ, отдается за 9, пришелъ въ театръ, сѣлъ въ трамвай — со всего дѣлается скидка 10%. Два ребенка — двѣ нашивки—уже 20% скидки, три ребенка, три нашивки и такъ далѣе. А если ты такой умный, что имѣешь 10 ребятъ—пожалуйста! Все тебѣ безплатно: ѣшь — не хочу, пей—не хочу! Гуляй по театрамъ — не хочу! Квартира даромъ, столъ даромъ...

— Ну, а представьте себѣ такой случай, что у человѣка 12 человѣкъ дѣтей. Что-жъ, по вашему государство еще ему должно доплачивать за все 20%?

— Н...ну, нѣтъ—это зачѣмъ же. Медаль просто можно выдать какую нибудь.

— А бездѣтные, а холостые, значитъ, никакими льготами не пользуются?

— Имъ? Льготы? я бы съ этими подлецами безъ всякой пощады!! Вошелъ въ трамвай господинъ съ нашивками—выкидайся человѣкъ безъ нашивокъ со своего мѣста!

Пришелъ господинъ съ нашивками въ какое нибудь учрежденіе просить службы—сейчасъ служащаго человѣка безъ нашивокъ къ черту, а на его мѣсто — пожалуйте! Вотъ бы что я провелъ—сейчасъ же! Я бы имъ дыхнуть не далъ!

Маленькая дѣвочка вбѣжала въ комнату и сказала:

— Папа, Гриша лѣзъ на столъ, а Маня дернула его за ногу, онъ и упалъ прямо Бобику на голову, а Котька, не разобравъ въ чемъ дѣло, сталъ бить меня и Лиличку. А мы даже ничего и не дѣлали, мы няньчили Мусю..

— А чего же смотрятъ старшіе? Гдѣ Володя? Гдѣ Коля?

— Коля съ Володей въ кинематографъ ушли, а Соня книжку читаетъ.

— Кто это такіе?—удивленно спросилъ я —этотъ вотъ Коля, Володя, Соня?

— Мои все. Десятокъ сорванцевъ. Подумайте, будь я во Франціи... Все бы получалъ безплатно.

IV. РАЗГОВОРЪ СЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВОЧКОЙ.

Спускаясь съ лѣстницы, я встрѣтилъ маленькую дѣвочку, очевидно, тоже представительницу рода Почечуевыхъ.

— Слушай, дѣтка,—спросилъ я—у французовъ нѣтъ дѣтей, какъ намъ сдѣлать, чтобы у нихъ были дѣтки?

Положивъ палецъ на нижнюю губу, она призадумалась.

— А у нихъ папы и мамы есть?

— Да, пожалуй, это бы еще можно было найти.

— Ну вотъ. Такъ тогда же легко!

— Именно?

— Вотъ ты видишь, какъ это дѣлается, Давай сядемъ тутъ на ступенечку.

— Сядемъ. Ну?

— Сначала папа долженъ хвататься за голову и кричать: „Еще одинъ? Этому конца не будетъ!“. Потомъ приходитъ такая женщина съ такимъ мѣшочкомъ, потомъ тѣхъ дѣтей, которые уже есть, посылаютъ къ

тетѣ, а потомъ такъ и появляется новое дите. Лежитъ красненькое и кричитъ, какъ шумашедшее.

Опубликовываю это мнѣніе, хотя и не особенно цѣнное, но все таки высказанное лицомъ, имѣющимъ отношеніе къ больному вопросу.

V. РАЗГОВОРЪ СЪ САМИМЪ СОБОЙ.

Напослѣдокъ меня заинтересовало мое собственное мнѣніе: что я скажу по данному вопросу?.. Все-таки человѣкъ, въ своей жизни кое что видѣвшій, наблюдавшій и даже испытавшій.

— Что вы скажете, Аркадій Тимофеевичъ, по этому вопросу,—спросилъ я, уютно усаживаясь въ кресло.

— Что я скажу? скажу одно: все спасеніе Франціи въ подъемѣ патріотизма. Нѣтъ большихъ патріотовъ, чѣмъ французы, и патріотизмъ,—ихъ прибѣжище и сила.

Предположите вы такой разговоръ на балу:

— Мадамъ, позвольте представиться: Шарль Дюранъ. Можно васъ пригласить на вальсъ?

— Нѣтъ, спасибо, я ужъ домой собираюсь.

— Домой? Такъ рано? Что же васъ дѣти ждутъ?

— Нѣтъ, у меня дѣтей нѣтъ. Мужъ дома.

— *Нѣтъ дѣтей*? А мужъ есть?

— Есть.

— Гм... Странно. Разрѣшите мнѣ что-то шепнуть вамъ на ушко. (*Шепчетъ*).

— Вы съума сошли, милостивый государь! Какъ вы смѣете?!

— Мадамъ! Но вѣдь Клемансо категорически заявилъ...

— Да, но при чемъ я тутъ?..

— Мадамъ! Вы француженка! Неужели вы допустите, чтобы черезъ 20 лѣтъ эти грязные канальи боши снова ворвались въ нашу прекрасную Францію и... чтобы... мы не смогли отразить ихъ достаточными силами!..

— А вдругъ... его убьютъ?..

— Мадамъ! Смерть за родину—прекрасная смерть. Мать должна гордиться такимъ сыномъ!

— Но вѣдь меня мужъ ждетъ...

— Мадамъ! Пусть тысяча мужей ждетъ васъ — Франція ждать не можетъ. Швейцаръ! Манто этой дамы...

— Послушайте, но вѣдь уже поздно...

— Мадамъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Извозчикъ! Кэбъ, фіакръ, чортъ тебя подери— скорѣе...

— Господи... Но, вѣдь, я боюсь, вы меня перестанете уважать...

— Мадамъ! Что я?.! сейчасъ нація, вся Франція любуется вами и уважаетъ васъ... Ну, возись тамъ съ кнутомъ, каналья!.. Пошелъ!, .

Да. Великое, огромное, чудесное чувство —патріотизмъ!

Подъ столомъ

Пасхальный разсказъ

Дѣти, въ общемъ, выше и чище насъ. Крохотная исторія съ еще болѣе крохотнымъ Димкой наглядно, я надѣюсь, подтвердитъ это.

Какая нелегкая понесла этого мальчишку подъ пасхальный столъ — неизвѣстно, но фактъ остается фактомъ: въ то время, какъ взрослые безтолково и безалаберно усаживались за обильно уставленный пасхальными яствами и питіями столъ — Димка, искусно лавируя между цѣлымъ лѣсомъ огромныхъ для его роста колоннообразныхъ ногъ, взялъ да нырнулъ подъ столъ, вмѣстѣ съ верблюдомъ, половинкой деревяннаго яйца и замусленнымъ краемъ сдобной бабы...

Разложилъ свои припасы, приладилъ сбоку угрюмаго необщительнаго верблюда и погрузился въ наблюденія...

Подъ столомъ — хорошо. Прохладно. Отъ свѣже вымытаго пола, еще не зашарканнаго ногами, вѣетъ пріятной влагой.

А ногъ сколько! Димка началъ считать, досчиталъ до пяти и сбился. Нелегкая задача!

Теткины ноги сразу замѣтны: онѣ въ огромныхъ мягкихъ ковровыхъ туфляхъ — отъ ревматизма, что ли. Димка поцарапалъ ногтемъ крошечнаго пальчика ковровый цвѣтокъ на туфлѣ... Нога шевельнулась, Димка испуганно отдернулъ палецъ.

Лѣниво погрызъ край потеплѣвщей отъ руки сдобной бабы, далъ подкрѣпиться и верблюду, и вдругъ — вниманіе его приковали очень странныя эволюціи лаковой мужской туфли съ бѣлымъ замшевымъ верхомъ.

Нога, обутая въ эту элегантную штуку, сначала стояла спокойно, потомъ вдругъ дрогнула и поползла впередъ, изрѣдка настороженно поднимая носокъ, какъ

змѣя, которая поднимаетъ голову и озирается, ища въ которой сторонѣ добыча...

Димка поглядѣлъ налѣво и сразу увидѣлъ, что цѣлью этихъ змѣиныхъ эволюцій были двѣ маленькихъ ножки, очень красиво обутыя въ туфельки темно-небеснаго цвѣта съ серебромъ.

Скрещенныя ножки спокойно вытянулись и, ничего не подозрѣвая, мирно постукивали каблучками... Край темной юбки поднялся, обнаруживъ восхитительную полную подъемистую ножку въ темно-голубомъ чулкѣ, а у самаго круглаго колѣна нескромно виднѣлся кончикъ пышной подвязки — черной съ золотомъ.

Но всѣ эти замѣчательныя—съ точки зрѣнія другого, понимающаго человѣка — вещи совершенно не интересовали безхитростнаго Димку.

Наоборотъ, взглядъ его былъ всецѣло прикованъ къ таинственнымъ и полнымъ жути зигзагамъ туфли съ замшевымъ верхомъ.

Это животное, скрипя и извиваясь допол-

зло, наконецъ, до кончика голубой ножки клюнуло носомъ и испуганно отодвинулось въ сторону съ явнымъ страхомъ: не дадутъ ли за это по шеѣ?

Голубая ножка, почувствовавъ прикосновеніе, нервно, сердито затрепетала и чуть-чуть отодвинулась назадъ.

Развязный ботинокъ, повелъ нахально носомъ и снова рѣшительно поползъ впередъ.

Димка отнюдь не считалъ себя цензоромъ нравовъ, но ему просто, бозотносительно, нравилась голубая туфелька, такъ прекрасно вышитая серебромъ; любуясь туфелькой, онъ не могъ допустить, чтобъ ее запачкали или ободрали шитье.

Поэтому, Димка пустилъ въ ходъ такую стратагему: подсунулъ, вмѣсто голубенькой ножки, морду своего верблюда и энергично толкнулъ ею предпріимчивый ботинокъ.

Надо было видѣть разнузданную радость этого безпринципнаго щеголя! Онъ заерзалъ, заюлилъ около безропотнаго верблюда, какъ коршунъ надъ падалью. Онъ кликнулъ на

помощь своего коллегу, спокойно дремавшаго подъ стуломъ, и они оба стали такъ жать и тискать невозмутимое животное, что будь на его мѣстѣ — полненькая голубая ножка — не сдобровать бы ей.

Опасаясь за цѣлость своего вѣрнаго друга, Димка выдернулъ его изъ цѣпкихъ объятій и отложилъ подальше, а такъ какъ верблюжья шея оказалась, все таки, помятой — пришлось, ввидѣ возмездія, плюнуть на носокъ предпріимчиваго ботинка.

Этотъ развратный щеголь еще поюлилъ немного и уползъ, наконецъ, во свояси, не солоно хлѣбавши.

Съ лѣвой стороны кто-то подсунулъ руку подъ скатерть и тайкомъ выплеснулъ рюмку на полъ.

Димка легъ на животъ, подползъ къ лужицѣ и попробовалъ: — сладковато, но и крѣпко достаточно. Далъ попробовать и верблюду. Объяснилъ ему на ухо:

—Уже тамъ напились, наверху. Ужъ внизъ выливаютъ — понялъ?

Дѣйствительно, наверху все уже приходило къ концу. Стулья задвигались, и подъ столомъ немного посвѣтлѣтло: Сначала уплыли неуклюжія ковровыя ноги тетки, потомъ дрогнули и стали на каблучки голубая ножки. За глубыми ножками дернулись, будто соединенныя невидимой веревкой, лакированныя туфли, а тамъ застучали, загомозились американскія, желтыя — всякія.

Димка доѣлъ совсѣмъ размокшую сдобь, попилъ еще изъ лужицы и принялся укачивать верблюда, прислушиваясь къ разговорамъ.

—Если устали, — слышалъ онъ голосъ матери, — такъ прилягте тутъ на диванѣ— никто безпокоить не будетъ. Мы переходимъ въ гостинную.

— Да какъ-то... этого. Неловко.

— Чего тамъ неловко—ловко.

— Ей Богу, какъ-то не тово...

— Чего тамъ—не того. Дѣло праздничное.

— Я говорилъ—не надо было мѣшать мадеру съ пивомъ...

— Пустое. Поспите и ничего.Я вамъ сейчасъ съ Глашей подушку пришлю.

Топотъ многочисленныхъ ногъ затихъ, Потомъ послышалось цоканье быстрыхъ каблучковъ и разговоръ:

— Вотъ вамъ подушка, барыня прислала.

— Ну, давай ее сюда.

— Такъ вотъ-же она. Я положила.

— Нѣтъ, ты подойди сюда, Къ дивану.

— Зачѣмъ же къ дивану?

— Я хочу христ... сс...соваться!

— Уже христосовались. Такъ нахристосовались, что стоять не можете.

Неописуемое удивленіе послышалось въ убѣжденномъ голосѣ гостя:

— Я? Не могу стоять? Чтобы у тебя отецъ на томъ свѣтѣ такъ не стоялъ, какъ... Ну, вотъ смот...три!..

— Пустите, что вы дѣлаете?! Войдутъ!

Судя по тону Глаши, она была недовольна тѣмъ, что происходило. Димкѣ пришло въ голову, что самое лучшее—пугнуть хорошенько предпріимчиваго гостя.

Онъ схватилъ верблюда и брякнулъ его объ полъ.

— Видите?!—взвизгнула Глаша и умчалась, какъ вихрь.

Укладываясь, гость ворчалъ:

— Ай, и дура-же! Всѣ женщины, по моему, дуры. Такую дрянь всюду развели... Напудритъ носъ и думаетъ, что она королева Неаполитанская... Ей Богу, право!.. Взять бы хлыстъ хорошій да такъ попудрить... Трясогузки!

Димкѣ сдѣлалось страшно; уже стало темнѣть, а тутъ кто-то бормочетъ подъ носъ непонятное... Лучше ужъ уйти.

Не успѣлъ онъ подумать этого, какъ гость, пошатываясь, подошелъ къ столу и сказалъ, будто совѣтуясь самъ съ собой:

— Нешто коньяку бутылочку спулить въ карманъ? И коробка сардинъ цѣлая. Я думаю это дурачье и не замѣтитъ.

Что-то коснулось его ноги. Онъ выронилъ сардины, испуганно отскочилъ къ дивану и, повалившись на него, съ ужасомъ уви-

дѣлъ, что изъ подъ стола что-то ползетъ. Разглядѣвъ, успокоился:

— Тю! Мальчикъ. Откуда ты, мальчикъ?

— Съ подъ стола.

— А чего ты тамъ не видалъ?

— Такъ, сидѣлъ. Отдыхалъ.

И тутъ же, вспомнивъ правила общежитія и праздничныя традиціи, Дима вѣжливо замѣтилъ:

— Христосъ Воскресе.

— Еще чего! Шелъ бы спать лучше.

Замѣтивъ, что его привѣтствіе не имѣло никакого успѣха, Дима, для смягченія, пустилъ въ ходъ нейтральную фразу, слышанную еще утромъ:

— Я съ мужчинами не христосуюсь.

— Ахъ, какъ ты ихъ этимъ огорчилъ! Сейчасъ пойдутъ и утопятся.

Разговоръ явно — не налаживался:

— Гдѣ были у заутрени? — уныло спросилъ Дима.

— А тебѣ какое дѣло?

Самое лучшее для Димы было бы уйти въ дѣтскую но... между столовой и дѣтской

были двѣ неосвѣщенныхъ комнаты, гдѣ всякая нечисть могла схватить за руку. Приходилось оставаться около этого тяжелаго человѣка и поневолѣ поддерживать съ нимъ разговоръ:

— А у насъ пасхи сегодня хорошія.

— И нацѣпи ихъ себѣ на носъ.

— Я не боюсь пойти черезъ комнаты, только тамъ темно.

— А я тоже вотъ одному мальчишкѣ взялъ да и голову отрѣзалъ.

— Онъ былъ плохой?—холодѣя отъ ужаса, спросилъ Димка.

— Такая же дрянь, какъ и ты,—прошипѣлъ гость, съ вожделѣніемъ оглядывая облюбованную на столѣ бутылку.

Гдѣ-то вдали послышался голосъ мамы.

-- Да... такой же былъ, какъ и ты... Хорошенькій такой, прямо дуся, такая, право, малая козявочка...

Голосъ мамы удалился и затихъ.

— Такая козявка, что я бы ее каблукомъ —хрясь!.. Въ лепешку дрянь такую. Пошелъ

вонъ! Иди! Или тутъ изъ тебя и духъ вонъ!

Дима проглотилъ слезы и опять кротко спросилъ, озираясь на темную дверь:

— А у васъ пасхи хорошенькія?

— Чихать мнѣ на пасхи,— я мальчишекъ ѣмъ, такихъ, какъ ты. Дай-ка свою лапу, я отгрызу...

И вдругъ—голосъ мамы, совсѣмъ близко:

— А куда это маминъ сынъ задѣвался?

— Мама!!—взвизгнулъ Димка и зарылся въ шуршащую юбку.

— А мы тутъ, съ вашимъ сынкомъ разговорились. Очаровательный мальчикъ! такой бойкенькій.

— Онъ вамъ не мѣшалъ спать? Разрѣшите, я только уберу все со стола, а тамъ спите, сколько хотите.

— Да зачѣмъ же убирать?..

— А къ вечеру опять накроемъ.

Гость уныло опустился на диванъ и вздохнулъ, шепнувъ самому себѣ подъ носъ:

— Будь ты проклятъ, анафемскій мальчишка! Изъ подъ самаго носа увелъ бутылку.

Три жолудя.

I.

Нѣтъ ничего безкорыстнѣе дѣтской дружбы... Если прослѣдить начало ея, ея истоки, то въ большинствѣ случаевъ наткнешься на самую внѣшнюю, до смѣшного пустую причину ея возникновенія: или родители ваши были «знакомы домами» и таскали васъ, маленькихъ, другъ къ другу въ гости, или нѣжная дружба между двумя крохотными человѣчками возникла просто потому, что жили они на одной улицѣ или учились оба въ одной школѣ, сидѣли на одной сакмейкѣ —и первый же раздѣленный братски пополамъ и съѣденный кусокъ колбасы съ хлѣбомъ посѣялъ въ юныхъ сердцахъ сѣмена самой нѣжнѣйшей дружбы.

Фундаментомъ нашей дружбы —Мотька. Шаша и я—послужили всѣ три обстоятельства: мы жили на одной улицѣ, родители наши были «знакомы домами» (или, какъ говорятъ на югѣ—знакомы домамы); и всѣ трое вкусили горькіе корни ученія въ начальной школѣ Марьи Антоновны, сидя рядомъ на длинной скамейкѣ, какъ желуди на одной дубовой вѣткѣ.

У философовъ и у дѣтей есть одна благородная черта—они не придаютъ значенія никакимъ различіямъ между людьми—ни соціальнымъ, ни умственнымъ, ни внѣшнимъ. У моего отца была галантерейная лавка (ари стократія), Шашинъ отецъ работалъ въ порту (плебсъ, разночинство), а Мотькина мать просто существовала на проценты съ грошеваго капитала (рантье, буржуазія). Умственно Шаша стоялъ гораздо выше насъ съ Мотькой, а физически Мотька почитался среди насъ—веснущатыхъ и худосочныхъ—красавцемъ. Ничему этому мы не придавали значенія... Братски воровали незрѣлые ар-

бузы на баштанахъ, братски ихъ пожирали и братски же катались потомъ по землѣ отъ нестерпимой желудочной боли.

Купались втроемъ, избивали мальчишекъ съ сосѣдней улицы втроемъ и насъ били тоже всѣхъ трехъ—единосущно и нераздѣльно.

Если въ одномъ изъ трехъ нашихъ семействъ пеклись пироги,—ѣли всѣ трое, потому что каждый изъ насъ почиталъ святой обязанностью съ опасностью для собственнаго фасада и тыла воровать горячіе пироги для всей компаніи.

У Шашина отца—рыжебородаго пьяницы—была—прескверная манера лупить своего отпрыска, гдѣ бы онъ его ни настигалъ, такъ какъ около него всегда маячили и мы, то этотъ прямолинейный демократъ билъ и насъ на совершенно равныхъ основаніяхъ.

Намъ и въ голову не приходило роптать на это, и отводили мы душу только тогда, когда Шашинъ отецъ брелъ обѣдать, проходя подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, а мы трое стояли на мосту и, свѣсивъ головы внизъ, заунывно тянули:

Рыжій красный
Человѣкъ опасный...
Я на солнышкѣ лежалъ...
Кверху бороду держалъ...

— Сволочи! — грозилъ снизу кулакомъ Шашинъ отецъ.

— А ну иди сюда, иди,— грозно говорилъ Мотька.— Сколько васъ нужно на одну руку?

И если рыжій гигантъ взбирался по лѣвой сторонѣ насыпи, мы, какъ воробьи, вспархивали и мчались на правую сторону—и наоборотъ. Что тамъ говорить—дѣло было безпроигрышное.

Такъ счастливо и безмятежно жили мы росли и развивались до шестнадцати лѣтъ.

А въ шестнадцать лѣтъ дружно, взявшись за руки, подошли мы къ краю воронки, называемой жизнью, опасливо заглянули туда, какъ щепки попали въ водоворотъ, и водоворотъ закружилъ насъ.

Шаша поступилъ наборщикомъ въ типографію «Электрическое Усердіе», Мотю мать отправила въ Харьковъ въ какую то хлѣбную контору, а я остался непристроеннымъ, хотя

отецъ и мечталъ „опредѣлить меня на умственныя занятія“ — что это за штука, я и до сихъ поръ не знаю. Признаться, отъ этого сильно пахло писцомъ въ мѣщанской управѣ но, къ моему счастью, не оказывалось вакансій въ означенномъ мрачномъ и скучномъ учрежденіи...

Съ Шашей мы встрѣчались ежедневно, а гдѣ былъ Мотька и что съ нимъ — объ этомъ ходили только туманные слухи, сущность которыхъ сводилась къ тому, что онъ „удачно опредѣлился на занятія“ и что сдѣлался онъ такимъ франтомъ, что не подступись.

Мотька постепенно сдѣлался объектомъ нашей товарищеской гордости и лишенныхъ зависти мечтаній возвыситься современемъ до него, Мотьки.

И вдругъ получилось свѣдѣніе, что Мотька долженъ прибыть въ началѣ апрѣля изъ Харькова „въ отпускъ съ сохраненіемъ содержанія“. На послѣднее усиленно напирала Мотькина мать, и въ этомъ сохраненія ви-

дѣла бѣдная женщина самый пышный лавръ въ побѣдномъ вѣнкѣ завоевателя міра Мотьки.

II.

Въ этотъ день не успѣли закрыть „Электрическое Усердіе", какъ ко мнѣ ворвался Шаша и, сверкая глазами, свѣтясь отъ восторга, какъ свѣчка, сообщилъ, что уже видѣли Мотьку ѣдущимъ съ вокзала и что на головѣ у него настоящій цилиндръ!..

— Такой, говорятъ, франтъ,—горделизо закончилъ Шаша,—такой франтъ, что пусти —вырвусь.

Эта неопредѣленная характеристика франтовства разожгла меня такъ, что я бросилъ лавку на приказчика, схватилъ фуражку—и мы помчались къ дому блестящаго друга нашего.

Мать его встрѣтила насъ нѣсколько важно, даже съ примѣсью надменности, но мы впопыхахъ не замѣтили этого и, тяжело дыша, первымъ долгомъ потребовали Мотю,... Отвѣтъ былъ самый аристократическій:

—Мотя не принимаетъ.

—Какъ не принимаетъ?—удивились мы,—Чего не принимаетъ?

— Васъ принять не можетъ. Онъ сейчасъ очень усталъ. Онъ сообщитъ вамъ, когда сможетъ принять.

Всякой шикарности, всякой респектабельности должны быть границы. Это уже переходило даже тѣ широчайшія границы, которыя мы себѣ начертили.

— Можетъ быть, онъ нездоровъ?.. — попытался смягчить ударъ деликатный Шаша.

— Здоровъ-то онъ здоровъ... Только у него, онъ говоритъ, нервы не въ порядкѣ... У нихъ въ конторѣ передъ праздниками было много работы.. Вѣдь онъ теперь уже помощникъ старшаго конторщика. Очень на хорошей ногѣ.

Нога, можетъ быть, была и подлинно хороша, но насъ она, признаться, совсѣмъ придавила: „нервы, не принимаетъ“...

Возвращались мы, конечно, молча. О шикарномъ другѣ впредь до выясненія, не

хотѣлось говорить. И чувствовали мы себя такими забитыми, такими униженно-жалкими провинціальными, что хотѣлось и расплакаться и умереть или, въ крайнемъ случаѣ, найти на улицѣ сто тысячъ, которыя дали бы и намъ шикарную возможность носить цилиндръ, и „не принимать"—совсѣмъ, какъ въ романахъ.

—Ты куда?—спросилъ Шаша.

—Въ лавку. Скоро запирать надо. (Боже, какая проза!)

—А ты?

—А я домой... Выпью чаю, поиграю на мандолинѣ и завалюсь спать.

Проза не меньшая! Хе хе.

III

На другое утро—было солнечное воскресенье—Мотькина мать занесла мнѣ записку; «Будьте съ Шашей въ городскомъ саду къ 12 часамъ. Намъ надо немного объясниться и пересмотрѣть наши отношенія. Уважаемый вами Матвѣй Смѣлковъ».

Я надѣлъ новый пиджакъ, вышитую крестиками бѣлую рубашку, зашелъ за Шашей и— побрели мы со стѣсненными сердцами на это дружеское свиданіе, котораго мы такъ жаждали и котораго такъ инстинктивно, панически боялись.

Пришли, конечно, первые. Долго сидѣли съ опущенными головами, руки въ карманахъ. Даже въ голову не пришло обидѣться, что великолѣпный другъ нашъ заставляетъ ждать такъ долго.

Ахъ! Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ...: На насъ надвигалось что то сверкающее, бряцающее многочисленными брелоками и скрипящее лакомъ желтыхъ ботинокъ съ перламутровыми пуговицами.

Пришелецъ изъ невѣдомаго міра графовъ, золотой молодежи, каретъ и дворцовъ— онъ былъ одѣтъ въ коричневый жакетъ, бѣлый жилетъ, какіе-то сиреневыя брючки, а голова увѣнчивалась сверкающимъ на солнцѣ цилиндромъ, который если и былъ

малъ, то размѣры его уравновѣшивались огромнымъ галстукомъ съ такимъ же огромнымъ брилліантомъ...

Палка съ лошадиной головой обременяла правую аристократическую руку. Лѣвая рука была обтянута перчаткой, цвѣта освѣжевеннаго быка. Другая перчатка высовывалась изъ внѣшняго кармана жакета такъ, будто грозила намъ своимъ вялымъ указательнымъ пальцемъ: «Вотъ я васъ!... Отнеситесь только безъ должнаго уваженія къ моему носителю».

Когда Мотя приблизился къ намъ развинченной походкой пресыщеннаго денди, добродушный Шаша вскочилъ и, не могши сдержать порыва, простеръ руки къ сіятельному другу:

—Мотька! Вотъ, братъ, здорово!...

—Здравствуйте, здравствуйте, господа,— солидно кивнулъ головой Мотька и, пожавъ наши руки, опустился на скамейку...

Мы оба стояли.

—Очень радъ видѣть васъ... Родители

здоровы? Ну, слава Богу, пріятно, я очень радъ.

—Послушай, Мотька... — началъ я съ робкимъ восторгомъ въ глазахъ.

—Прежде всего, дорогіе друзья,—внушительно и вѣско сказалъ Мотька,—мы уже взрослые и, поэтому, «Мотьку» я считаю опредѣленнымъ „кель выражансомъ“.. Хе-хе... Не правда ли? Я уже теперь Матвѣй Семенычъ—такъ меня и на службѣ зовутъ, а самъ бухгалтеръ за ручку здоровкается. Жизнь солидная, оборотъ предпріятія два милліона. Отдѣленіе есть даже въ Кокандѣ... Вообще, мнѣ бы хотѣлось пересмотрѣть въ корнѣ наши отношенія.

—Пожалуйста, пожалуйста, — пробормоталъ Шаша. Стоялъ онъ, согнувшись, будто свалившимся невидимымъ бревномъ ему переломило спину...

Передъ тѣмъ, какъ положить голову на плаху, я малодушно попытался отодвинуть этотъ моментъ.

—Теперь опять стали носить цилиндры? —спросилъ я съ видомъ человѣка, котораго

научныя занятія изрѣдка отвлекаютъ отъ капризовъ измѣнчивой моды.

—Да, носятъ,—снисходительно отвѣтилъ Матвѣй Семенычъ.—Двѣнадцать рублей.

—Славные брелочки. Подарки?

—Это еще не всѣ. Часть дома. Всѣ на кольцѣ не помѣщаются. Часы на камняхъ, анкеръ, заводъ безъ ключа. Вообще, въ большомъ городѣ жизнь — хлопотливая вещь. Воротнички „Монополь“ только на три дня хватаютъ, маникюръ, пикники разные.

Я чувствовалъ, что Матвѣю Семенычу тоже не по себѣ...

Но, наконецъ, онъ рѣшился. Тряхнулъ головой такъ, что цилиндръ вспрыгнулъ на макушку, и началъ:

—Вотъ что, господа... Мы съ вами уже не маленькіе и вообще... дѣтство это одно, а когда молодые люди, такъ совсѣмъ другое. Другой, напримѣръ, до какого-нибудь тамъ высшаго общества, до интеллигенціи дошелъ, а другіе есть изъ низшихъ клас-

совъ, и если бы вы, скажемъ, увидѣли въ одной каретѣ графа Кочубея рядомъ съ нашей Мироніхой, которая, помните, на углу маковники продавала, такъ вы бы первые смѣялись до безумія. Я, конечно, не Кочубей, но у меня есть извѣстное положеніе, ну, конечно, и у васъ есть извѣстное положеніе, но не такое, а что мы были маленькими вмѣстѣ, такъ это мало ли что... Вы сами понимаете, что мы уже другъ другу не пара... и... тутъ, конечно, обижаться нечего—одинъ достигъ, другой не достигъ... Гм!... Но, впрочемъ, если хотите, мы будемъ изрѣдка встрѣчаться около желѣзнодорожной будки, когда я буду дѣлать прогулку— все равно, тамъ публики нѣтъ, и мы будемъ, какъ свои. Но, конечно, безъ особенной фамильярности — я этого не люблю. Я, конечно, вхожу въ ваше положеніе — вы меня любите, вамъ даже, можетъ быть, обидно и повѣрьте... Я со своей стороны... если могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ... Гм! Душевно радъ.

Въ этомъ мѣстѣ Матвѣй Семеныч взглянулъ на свои часы новаго золота и заторопился:

—О, ля-ля! Какъ я заболтался... Семья помѣщика Гузикова ждетъ меня на пикникъ, и, если я запоздаю, это будетъ нонсенсъ. Желаю здравствовать! Желаю здравствовать! Привѣтъ родителямъ!...

И онъ ушелъ, сверкающій и даже ненемного гнущійся подъ бременемъ респектабельности, усталый отъ повседневнаго вихря свѣтской жизни.

IV.

Въ этотъ день мы съ Шашей, заброшенные, будничные. лежа на молодой травкѣ желѣзнодорожной насыпи, въ первый разъ пили водку и въ послѣдній разъ плакали.

Водку мы пьемъ и теперь, но уже больше не плачемъ. Это были послѣднія слезы дѣтства. Теперь —засуха.

И чего мы плакали? Что хоронили? Мотька былъ напыщенный дуракъ, жалкій третьестепенный писецъ въ конторѣ, одѣ-

тый, какъ попугай, въ жакетъ съ чужого плеча; въ крохотномъ цилиндрѣ на макушкѣ, въ сиреневыхъ брюкахъ, обвѣшанный мѣдными брелоками—онъ теперь кажется мнѣ смѣхотворнымъ и ничтожнымъ, какъ червякъ безъ сердца и мозга — почему же мы тогда такъ убивались, потерявъ Мотьку?

А вѣдь— вспомнишь — какъ мы были одинаковы,— какъ три жолудя на дубовой вѣткѣ, — когда сидѣли на одной скамейкѣ у Марьи Антоновны...

Увы! Жолуди-то одинаковы, но когда вырастутъ изъ нихъ молодые дубки — изъ одного дубка дѣлаютъ кафедру для ученаго, другой идетъ на рамку для портрета любимой дѣвушки, а изъ третьяго дубка смастерятъ такую висѣлицу, что любо-дорого...

———

Душистая гвоздика.

I.

Иду по грязной слякотной, покрытой разнымъ соромъ и дрянью улицѣ, иду злой, бѣшенный, какъ цѣпная собака. Сумасшедшій петербургскій вѣтеръ срываетъ шляпу, приходится придерживать ее рукой. Рука затекаетъ и стынетъ отъ вѣтра; я дѣлаюсь еще злѣе! За воротникъ попадаютъ тучи мелкихъ гнилыхъ капель дождя, чтобъ ихъ чортъ побралъ!

Ноги тонутъ въ лужахъ, образовавшихся въ выбоинахъ дряхлаго тротуара, а ботинки тонкіе, грязь просачивается внутрь ботинка... такъ съ! Вотъ вамъ уже и насморкъ.

Мимо мелькаютъ прохожіе — звѣри! Они норовятъ задѣть плечомъ меня, я — ихъ.

Я ловлю взгляды исподлобья, которые ясно говорятъ:

— Эхъ, приложить бы тебя затылкомъ въ грязь!

Что ни мужчина встрѣчный, то Малюта Скуратовъ, что ни женщина, промелькнувшая мимо — Маріанна Скублинская.

А меня они, навѣрное, считаютъ сыномъ убійцы президента Карно. Ясно вижу.

Всѣ скудныя краски смѣшались на нищенски бѣдной петроградской палитрѣ въ одно грязное пятно, даже яркіе тона вывѣсокъ погасли, слились съ мокрыми ржавыми стѣнами сырыхъ угрюмыхъ домовъ.

А тротуаръ! Боже ты мой! Нога скользитъ среди мокрыхъ грязныхъ бумажекъ, окурковъ, огрызковъ яблокъ и раздавленныхъ папиросныхъ коробокъ.

И вдругъ... сердце мое замираетъ!

Какъ нарочно: посреди грязнаго зловоннаго тротуара, яркимъ трехкрасочнымъ пятномъ сверкнули три оброненныя кѣмъ то гвоздики, три дѣвственно—чистыхъ цвѣтка: тем-

но - красный, снѣжно - бѣлый и желтый. Кудрявыя пышныя головки совсѣмъ не запятнаны грязью, всѣ три цвѣтка счастливо упали верхней частью стеблей на широкую папиросную коробку, брошенную прохожимъ курильщикомъ.

О, будь благословенъ тотъ, кто уронилъ эти цвѣты,—онъ сдѣлалъ меня счастливымъ.

Вѣтеръ уже не такъ жестокъ, дождь потеплѣлъ, грязь... ну что жъ, грязь когда нибудь высохнетъ; и въ сердцѣ рождается робкая надежда: вѣдь увижу я еще голубое жаркое небо, услышу птичье щебетанье, и ласковый майскій вѣтерокъ донесетъ до меня сладкій ароматъ степныхъ травъ.

Три кудрявыхъ гвоздики!

* * *

Надо мнѣ признаться, что изъ всѣхъ цвѣтовъ я люблю больше всего гвоздику; а изъ всѣхъ человѣковъ милѣй всего моему сердцу дѣти.

Можетъ быть, именно поэтому мои мысли переѣхали съ гвоздики на дѣтей и на од-

ну минуту я отожествилъ эти три кудрявыхъ головки: темно - красную, снѣжно - бѣлую и желтую — съ тремя иными головками.

Можетъ быть, все можетъ быть.

Сижу я сейчасъ за письменнымъ столомъ, и что же я дѣлаю? Большой взрослый сентиментальный дуракъ! Поставилъ въ хрустальный бокалъ три найденныя на улицѣ гвоздики, смотрю на нихъ и задумчиво, разсѣянно улыбаюсь.

Сейчасъ только поймалъ себя на этомъ.

Вспоминаются мнѣ три знакомыхъ дѣвочки... Читатель, наклонись ко мнѣ поближе, я тебѣ на ухо разскажу объ этихъ маленькихъ дѣвочкахъ... Громко нельзя, стыдно. Вѣдь мы съ тобой уже большіе, и не подходящее дѣло громко говорить намъ съ тобой о пустякахъ.

А шопотомъ, на ухо — можно.

II.

Знавалъ я одну крохотную дѣвочку Ленку.

Однажды, когда мы, большіе жестоковыйные люди сидѣли за обѣденнымъ столомъ —мама чѣмъ то больно обидѣла дѣвочку.

Дѣвочка промолчала, но опустила голову, опустила рѣсницы и, пошатываясь отъ горя, вышла изъ за стола.

— Посмотримъ, — шепнулъ я матери, — что она будетъ дѣлать?

Горемычная Ленка рѣшилась, оказывается, на огромный шагъ: она вздумала уйти изъ родительскаго дома.

Пошла въ свою комнатенку и, сопя, принялась за сборы: разостлала на кровати свой темный байковый платокъ, положила въ него двѣ рубашки, панталончики, обломокъ шоколада, росписной переплетъ, оторванный отъ какой то книжки, и мѣдное колечко съ бутылочнымъ изумрудомъ.

Все это аккуратно связала въ узелъ, вздохнула тяжко и съ горестно опущенной головой вышла изъ дому.

Она уже благополучно добралась до калитки и даже вышла за калитку, но тутъ ее

ожидало самое страшное, самое непреодолимое препятствіе: въ десяти шагахъ отъ воротъ лежала большая темная собака.

У дѣвочки достало присутствія духа и самолюбія, чтобы не закричать... Она только оперлась плечомъ о скамейку, стоявшую у воротъ, и приняласъ равнодушно глядѣть совсѣмъ въ другую сторону съ такимъ видомъ, будто бы ей нѣтъ дѣла ни до одной собаки въ мірѣ, а вышла она за ворота просто подышать свѣжимъ воздухомъ.

Долго такъ стояла она, крохотная, съ великой обидой въ сердцѣ, не знающая — что предпринять...

Я высунулъ голову изъ-за забора и участливо спросилъ:

— Ты чего тутъ стоишь, Леночка?

— Такъ себѣ, стою.

— Ты, можетъ быть, собаки боишься; не бойся, она не кусается. Иди, куда хотѣла.

— Я еще сейчасъ не пойду, — опустивъ голову, прошептала дѣвочка. — Я еще постою.

— Что же ты думаешь еще долго тутъ стоять?

— Я вотъ еще подожду.

— Да чего жъ ждать то?

— Вотъ вырасту немножко, тогда ужъ не буду бояться собачки, тогда ужъ пойду...

Изъ за забора выглянула и мать.

— Это вы куда собрались Елена Николаевна?

Ленка дернула плечемъ и отвернулась.

— Недалеко же ты ушла. — съязвила мать.

Ленка подняла на нее огромные глаза, наполненные цѣлымъ озеромъ не вылившихся слезъ, и серьезно сказала:

— Ты не думай, что я тебя простила. Я еще подожду, а потомъ пойду.

— Чего жъ ты будешь ждать?

— Когда мнѣ будетъ четырнадцать лѣтъ.

Насколько я помню, въ тотъ моментъ ей было всего 6 лѣтъ. Восьми лѣтъ ожиданія у калитки она не выдержала. Ее хватило на меньшее — всего на 8 минутъ.

Но, Боже мой! Развѣ знаемъ мы, что пережила она въ эти 8 минутъ?!

* * *

Другая дѣвочка отличалась тѣмъ, что превыше всего ставила авторитетъ старшихъ.

Что ни дѣлалось старшими, въ ея глазахъ все было свято.

Однажды ея братъ, весьма разсѣянный юноша, сидя въ креслѣ, погрузился въ чтеніе какой то интересной книги такъ, что забылъ все на свѣтѣ... Курилъ одну папиросу за другой, бросалъ окурки, куда попало, и, лихорадочно разрѣзывая книгу ладонью руки, пребывалъ всецѣло во власти колдовскихъ очарованій автора.

Моя пятилѣтняя пріятельница долго бродила вокругъ да около брата, испытующе поглядывая на него, и все собираясь о чемъ то спросить, и все не рѣшалась.

Наконецъ, собралась съ духомъ. Начала робко, выставивъ голову изъ складокъ плюшевой скатерти, куда она въ силу природной деликатности спряталась:

— Данила, а Данила?..

— Отстань, не мѣшай, — разсѣянно пробормоталъ Данила, пожирая глазами книгу.

И опять томительное молчаніе... И опять деликатный ребенокъ робко закружился вокругъ кресла брата.

— Чего ты тутъ вертишься? Уходи.

Дѣвочка кротко вздохнула, подошла бочкомъ къ брату и опять начала:

— Данила, а Данила?

— Ну, что тебѣ! Ну, говори!!

— Данило, а Данила... Это такъ надо, чтобы кресло горѣло?

Умилительное дитя! Сколько уваженія къ авторитету взрослыхъ должно быть въ головѣ этой крошки, чтобы она, видя горящую паклю въ креслѣ, подоженномъ разсѣяннымъ братомъ, все еще сомнѣвалась: а вдругъ это нужно брату изъ какихъ нибудь высшихъ соображеній?..

———

О третьей дѣвочкѣ мнѣ разсказывала умиленная нянька:

— До чего это заковыристый ребенокъ и представить себѣ невозможно... Укладываю я ее съ братомъ спать, а допрежъ того поставила на молитву: „Молитесь, молъ, ребятенки!“ И что жъ вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значитъ, стоитъ и ждетъ чего-то.. „А ты, говорю, что жъ не молишься, чего ждешь“ — „А какъ же, говоритъ, я буду молиться, когда Боря уже молится? Вѣдь Богъ сейчасъ его слушаетъ.. Не могу же я тоже лѣзть, когда Богъ сейчасъ Борей занятъ!“

———

Милая благоуханная гвоздика!

Моя была бы воля, я бы только дѣтей и признавалъ за людей.

Какъ человѣкъ перешагнулъ за дѣтскій возрастъ, такъ ему камень на шею, да въ воду.

Потому взрослый человѣкъ почти сплошь —мерзавецъ...

———

Куличъ.

— А что, сынокъ, — спросилъ меня отецъ, заложивъ руки въ карманы и покачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ. — Не хотѣлъ бы ты рубль заработать?

Это было такое замѣчательное предложеніе, что у меня духъ захватило.

— Рубль? Вѣрно?!. А за что?

—Пойди сегодня ночью въ церковь, посвяти куличъ.

Я сразу осѣлъ, обмякъ и нахмурился.

— Тоже вы скажете: святи куличъ! Развѣ я могу? Я маленькій.

— Да вѣдь не самъ же ты, дурной, будешь святить его! Священникъ освятитъ. А ты только снеси и постой около него!

— Не могу, — подумавъ, сказалъ я.

— Новость! Почему не можешь?

— Мальчики будутъ меня бить.

— Подумаешь, какая казанская сирота выискалась; — презрительно скривился отецъ. — «Мальчики будутъ его бить». Небось самъ ихъ лупцуешь, гдѣ только ни попадутся.

Хотя отецъ былъ большой умный человѣкъ но въ этомъ дѣлѣ онъ ничего не понималъ...

Вся суть въ томъ, что существовали два разряда мальчиковъ: одни меньше и слабосильнѣе меня, и этихъ билъ я. Другіе больше и здоровѣе меня — эти отдѣлывали мою физіономію на обѣ корки при каждой встрѣчѣ.

Какъ во всякой борьбѣ за существованіе — сильные пожирали слабыхъ. Иногда я мирился съ нѣкоторыми сильными мальчиками, но другіе сильные мальчики вымещали на мнѣ эту дружбу, потому что враждовали между собой.

Часто пріятели передавали мнѣ грозное предупрежденіе:

— Вчера я встрѣтилъ Степку Пангалова онъ просилъ передать, что дастъ тебѣ по мордѣ.

— За что? — ужасался я. — Вѣдь я его не трогалъ?

— Ты вчера гулялъ на Приморскомъ бульварѣ съ Косымъ Захаркой?

— Ну, гулялъ! Такъ что жъ?

— А Косой Захарка на той недѣли два раза билъ Пангалова.

— За что?

— За то, что Пангаловъ сказалъ, что онъ беретъ его на одну руку.

Въ концѣ концовъ, отъ всей этой вереницы хитросплетеній и борьбы самолюбій, страдалъ я одинъ.

Гулялъ я съ Косымъ Захаркой — меня билъ Пангаловъ; заключалъ перемиріе съ Пангаловымъ и отправлялся съ нимъ гулять — меня билъ Косой Захарка.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что дружба моя котировалась на мальчишескомъ рынкѣ очень высоко,—если изъ за меня происходили драки. Только странно было то, что били, главнымъ образомъ, меня.

Однако, если я не могъ справиться, съ Пангаловымъ и Захаркой, то мальчишки по-

мельче ихъ должны были испытывать всю тяжесть моего дурного настроенія.

И когда по нашей улицѣ пробирался какой нибудь Сема Фишманъ, беззаботно насвистывая популярую въ нашемъ городѣ пѣсенку.

На слободкѣ есть ворожка,
Барабанщика жена..

Я, какъ изъ земли, выросталъ и, ставъ къ Семѣ въ полоборота, задористо предлагалъ:

— Хочешь по мордѣ?

Отрицательный отвѣтъ никогда не смущалъ меня. Сема получилъ свою порцію и въ слезахъ убѣгалъ, а я бодро шагалъ по своей Ремесленной улицѣ, выискивая новую жертву, пока какой нибудь Аптекаренокъ съ Цыганской Слободки ни ловилъ меня и ни билъ— по всякой причинѣ: или за то, что я гулялъ съ Косымъ Захаркой, или за то, что я съ нимъ не гулялъ (въ зависимости отъ личныхъ отношеній между Аптекаренкомъ и Косымъ Захаркой...)

Къ отцовскому предложенію я отнесся такъ кисло именно потому, что вечеръ Страстной Субботы стягиваетъ со всѣхъ улицъ и переулковъ уйму мальчиковъ къ оградамъ церквей нашего города. И хотя я найду тамъ многихъ мальчиковъ, которые хватятъ отъ меня по мордѣ, но за то во тьмѣ ночной бродятъ и другіе мальчики, которые, въ свою очередь, не прочь припаять блямбу (мѣстное арго!) мнѣ.

А къ этому времени, какъ разъ у меня испортились отношенія почти со всѣми: съ Кирей Алексомати, съ Григулевичемъ, съ Павкой Макопуло и съ Рафкой Кефели.

— Такъ идешь, или нѣтъ? — переспросилъ отецъ. — Я знаю, конечно, что тебѣ хотѣлось бы шататься по всему городу, вмѣсто стоянія около кулича, но вѣдь за то— рубль! Поразмысли.

Я это какъ разъ и дѣлалъ: размышлялъ.

— Куда мнѣ пойти? Къ Владимирскому собору? Тамъ будетъ Павка со своей компаніей... Ради праздничка изобьютъ, какъ еще

никогда не били... Въ Петропавловскую? Тамъ будетъ Ваня Сазончикъ, которому я только третьяго дня далъ по мордѣ на Ремесленной канавѣ. Въ Морскую церковь—тамъ слишкомъ фешенебельно. Остается Греческая церковь... Туда я и думалъ пойти, но безъ всякаго кулича и яицъ. Во первыхъ, тамъ свои—Степка Пангаловъ съ компаніей: можно носиться по всей оградѣ, отправляться на базаръ въ экспедицію за бочками, ящиками и лѣстницами, которыя тутъ же [въ оградѣ торжественно сжигались греческими патріотами... Во вторыхъ, въ греческой церкви будетъ Андріенко, которому надлежитъ получить свою порцію за то, что наговорилъ матери, будто я воровалъ помидоры съ воза... Перспективы въ греческой церкви чудесныя, а узелъ изъ кулича, полудесятка яицъ и кольца малороссійской колбасы—долженъ былъ связать меня по рукамъ и ногамъ...

Можно было бы поручить кому нибудь изъ знакомыхъ постоять около кулича,—да какой-же дуракъ согласится въ такую чудесную ночь?

—Ну, что, рѣшилъ? — переспросилъ отецъ.

—А надую-ка я старика, — подумалъ я.—Давайте рубль и пасху вашу несчастную.

За послѣдній эпитетъ я получилъ по губамъ, но въ веселой суматохѣ укладыванья въ салфетку кулича и яицъ — это прошло совершенно незамѣченнымъ.

Да и не больно было.

Такъ, немного обидно.

* * *

По скрипучему деревянному крыльцу я спустился съ узломъ въ рукѣ во дворъ, на секунду нырнулъ подъ это крыльцо въ отверстіе, образовавшееся изъ двухъ улащенныхъ кѣмъ-то досокъ, вылѣзъ обратно съ пустыми руками и, — какъ стрѣла, помчался по темнымъ, теплымъ улицамъ, сплошь затопленнымъ радостнымъ звономъ.

Въ оградѣ Греческой церкви меня встрѣтили ревомъ восторга. Я поздоровался со всей компаніей и тутъ же узналъ, что мой врагъ Андріенко уже прибылъ.

Немного поспорили о томъ, что раньше сдѣлать: сначала „насыпать" Андріенкѣ, а потомъ итти воровать ящики—или наоборотъ?

Рѣшили: наворовать ящиковъ, потомъ поколотить Андріенку, а потомъ отправиться опять воровать ящики.

Такъ и сдѣлали.

Поколоченный мною Андріенко давалъ клятву въ вѣчной ко мнѣ ненависти, а костеръ, пожирая нашу добычу, поднималъ красные дымные языки почти до самаго неба... Веселье разгоралось, и дикій ревъ одобренія встрѣтилъ Христу Попандопуло, который явился откуда то съ цѣлой деревянной лѣстницей на головѣ:

— Я себѣ така думаю,- весело кричалъ онъ, — сто стоитъ теперя одна дома, а у нему нѣту лѣстницы, чтоба попадити на верхняя этаза.

— Да, неужели, ты домовую лѣстницу унесъ?

— Ма, сто такая: домовая не домовая— лисъ бы горѣла!

Всѣ весело смѣялись и веселѣе всѣхъ смѣялся тотъ взрослый простакъ, который, какъ оказалось потомъ, вернувшись къ себѣ домой на Четвертую Продольную не могъ попасть во второй этажъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждали жена и дѣти.

Все это было очень весело, но когда я, послѣ окончанія церемоніи, возвращался домой съ пустыми руками, — сердце мое защемило: весь городъ будетъ разговляться свяченными куличами и яйцами, и только наша семья, какъ басурмане, будетъ ѣсть простой, не святой хлѣбъ.

— Правда, — разсуждалъ я. — Я, можетъ быть, въ Бога не вѣрую, но вдругъ, все таки, Богъ есть, и онъ припомнитъ мнѣ всѣ мои гнусности: Андріенку билъ въ такую святую ночь, кулича не ссвятилъ, да еще оралъ на базарѣ во все горло не совсѣмъ приличныя татарскія пѣсни, чему ужъ не было, буквально, никакого прощенія.

Сердце щемило, душа болѣла, и съ каждымъ шагомъ къ дому эта боль все увеличивалась.

А когда я подошелъ къ отверстію подъ крыльцомъ, и изъ этого отверстія выскочила сѣрая собака, что-то на ходу дожевывая, — я совсѣмъ палъ духомъ и чуть не заплакалъ.

Вынулъ свой раздерганный собакой узелъ, осмотрѣлъ: яйца были цѣлы, но зато кусокъ колбасы былъ съѣденъ и куличъ съ одного бока изглоданъ почти до самой середины.

— Христосъ Воскресе, — сказалъ я, заискивающе подлѣзая съ поцѣлуемъ къ щетинистымъ усамъ отца

— Воистину!.. Что это у тебя съ куличемъ?

— Да я по дорогѣ... Ѣсть захотѣлось, — отщипнулъ. И колбасы... тоже.

— Это уже послѣ свяченія, надѣюсь? — строго спросилъ отецъ.

— Д-да.. гораздо... послѣ.

Вся семья усѣлась вокругъ стола и принялась за куличъ, а я сидѣлъ въ сторонѣ и съ ужасомъ думалъ:

— Ѣдятъ! Не священный! Пропала вся семья.

И тутъ же вознесъ къ небу наскоро сочиненную молитву:

— ,,Отче нашъ! Прости ихъ всѣхъ, не вѣдаютъ, бо что творятъ, а накажи лучше меня, только не особенно, чтобы крѣпко... Аминь! "

Спалъ я плохо — душили кошмары, — а утромъ, придя въ себя, умылся, взялъ преступно заработанный рубль и отправился подъ качели.

Мысль о качеляхъ немного ободрила меня, — увижу тамъ праздничнаго Пангалова, Мотьку Колесникова... Будемъ кататься на перекидныхъ, пить бузу и ѣсть татарскіе чебуреки по двѣ копѣйки штука.

Рубль казался богатствомъ, и я, переходя Большую Морскую, съ нѣкоторымъ даже презрѣніемъ оглядѣлъ двухъ матросовъ: шли они, пошатываясь, и во все горло распѣвали популярный въ севастопольскихъ морскихъ сферахъ романсъ:

Ой, не плачь, Маруся,
Ты будешь моя
Кончу мореходку—
Женюсь на тебѣ,

И кончали меланхолически:

Какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не жаль,
Что минѣ смѣнила на такую дрянь!

Завываніе шарманокъ, пронзительный пискъ кларнета, сотрясающіе всѣ внутренности удары огромнаго барабана—все это сразу пріятно оглушило меня. На одной сторонѣ кто то плясалъ, на другой—грязный клоунъ въ рыжемъ парикѣ кричалъ: „Месье, мадамъ — идите, я вамъ дамъ по мордамъ!“ А посрединѣ старый татаринъ устроилъ изъ покатой доски игру, вродѣ китайскаго билліарда, и его густой голосъ изрѣдка прорѣзывалъ всю какафонію звуковъ:

— А второй да биротъ, — чѣмъ заставлялъ сильнѣе зажигаться всѣ спортсменскія сердца.

Цыганъ съ большимъ кувшиномъ краснаго лимонада, въ которомъ аппетитно плеска-

лись тонко нарѣзанные лимоны, подошелъ ко мнѣ:

— Паничъ, лимонада холодная! Двѣ копѣйки одна стакана...

Было уже жарко.

— А, ну, дай,—сказалъ я, облизавъ пересохшія губы—Бери рубль, дай сдачи.

Онъ взялъ рубль, привѣтливо поглядѣлъ на меня и вдругъ, оглянувшись и заоравъ на всю площадь: „Абдраманъ! Наконецъ, я тебя подлеца, нашелъ!"—ринулся куда-то въ сторону и замѣшался въ толпу.

. . . . . .

Я подождалъ пять минутъ, десять. Цыгана съ моимъ рублемъ не было... Очевидно, радость встрѣчи съ загадочнымъ Абдраманомъ совершенно изгнала въ его цыганскомъ сердцѣ матеріальныя обязательства передъ покупателемъ.

Я вздохнулъ и опустивъ голову побрелъ домой.

А въ сердцѣ проснулся кто-то и громко сказалъ:

—Это за то, что ты Бога думалъ надуть, несвяченымъ куличомъ семью накормилъ!

И въ головѣ проснулся кто то другой и утѣшилъ:

— Если Богъ наказалъ тебя, значитъ, пощадилъ семью. За одну вину двухъ наказаній не бываетъ.

— Ну, и кончено!—облегченно вздохнулъ я ухмыляясь. — Расквитался своими боками. Былъ я малъ и глупъ.

———

Продувной мальчишка.

Рождественскій разсказъ.

Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ есть всѣ элементы, изъ которыхъ слагается обычный сантиментальный рождественскій разсказъ: есть маленькій мальчикъ, есть его мама и есть елочка, но только разсказъ - то получается совсѣмъ другого сорта... Сантиментальность въ немъ, какъ говорится, и не ночевала.

Это—разсказъ серьезный, немного угрюмый и отчасти жестокій, какъ рождественскій морозъ на сѣверѣ, какъ жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговоръ о елкѣ между Володькой и мамой возникъ дня за 3 до Рождест-

ва, и возникъ не преднамѣренно, а скорѣе случайно, по дурацкому звуковому совпаденію.

Намазывая за вечернимъ чаемъ кусокъ хлѣба масломъ—мама откусила кусочекъ и поморщилась.

—Масло то,—проворчала она, — совсѣмъ елкое...

—А у меня елка будетъ?—освѣдомился Володька, съ шумомъ схлебывая съ ложки чай.

—Еще что выдумалъ! Не будетъ у тебя елки. Не до жиру, быть бы и живу. Сама безъ перчатокъ хожу.

—Ловко—сказалъ Володька. —У другихъ дѣтей сколько угодно елковъ, а у меня, будто я и не человѣкъ.

— Попробуй самъ устроить — тогда и увидишь.

—Ну, и устрою. Большая важность. Еще почище твоей будетъ. Гдѣ мой картузъ?

— Опять на улицу?! И что это за ребенокъ такой! Скоро совсѣмъ уличнымъ маль-

чишкой сдѣлаешься!... Былъ бы живъ отецъ, онъ бы тебѣ...

Но такъ и не узналъ Володька, что бы сдѣлалъ съ нимъ отецъ: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а онъ уже гигантскими прыжками спускался по лѣстницѣ, мѣняя на нѣкоторыхъ поворотахъ способъ передвиженія: съѣзжая на перилахъ верхомъ.

На улицѣ Володька сразу принялъ важный, серьезный видъ, какъ и полагалось владѣльцу многотысячнаго сокровища.

Дѣло въ томъ, что въ карманѣ Володьки лежалъ огромный брилліантъ, найденный имъ вчера на улицѣ — большой сверкающій камень, величиной съ лѣсной орѣхъ.

На этотъ брилліантъ Володька возлагалъ очень большія надежды: не только елка, а, пожалуй, и мать можно обезпечить.

—Интересно бы знать, сколько въ немъ каратъ?—думалъ Володька, солидно натянувъ огромный картузъ на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожихъ.

Вообще, нужно сказать, голова Володьки—самый прихотливый складъ обрывковъ разныхъ свѣдѣній, знаній, наблюденій, фразъ и изреченій.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ грязно невѣжественъ: напримѣръ откуда-то подцѣпилъ свѣдѣніе, что брилліанты взвѣшиваются на караты, и въ тоже время совершенно не знаетъ, какой губерніи ихъ городъ, сколько будетъ, если умножить 32 на 18 и почему отъ электрической лампочки нельзя закурить папироски.

Практическая же его мудрость вся цѣликомъ заключалась въ трехъ поговоркахъ, вставляемыхъ имъ всюду, сообразно обстоятельствамъ: „Бѣдному жениться — ночь коротка". «Была не была — повидаться надо» и „Не до жиру—быть бы живу".

Послѣдняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первыя двѣ — чортъ его знаетъ у кого.

Войдя въ ювелирный магазинъ, Володька засунулъ руку въ карманъ и спросилъ:

—Брилліанты покупаете?

—Ну, и покупаемъ, а что?

—Свѣсьте ка; сколько каратовъ въ этой-штучкѣ?

—Да это простое стекло, — усмѣхнувшись, сказалъ ювелиръ.

—Всѣ вы такъ говорите,—солидно возразилъ Володя.

—Ну вотъ, поразговаривай тутъ еще. Проваливай!

Многокаратный брилліантъ весьма непочтительно полетѣлъ на полъ.

—Эхъ,— кряхтя, нагнулся Володя за развѣчаннымъ камнемъ.—Бѣдному жениться —ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящій брилліантъ. Хи! Ловко, нечего сказать. Ну, что-жъ... Не до жиру, быть бы живу. Пойду, наймусь въ театръ.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелѣяна Володькой. Слыхивалъ онъ кое-отъ-кого, что иногда въ театрахъ для игры требуются мальчики, но какъ приняться за эту штуку-онъ совершенно не зналъ.

Однако, не въ характерѣ Володьки было раздумывать: дойдя до театра, онъ одну секунду запнулся о порогъ, потомъ смѣло шагнулъ впередъ и для собственнаго оживленія и бодрости прошепталъ себѣ подъ носъ: «Ну—была не была—повидаться надо».

Подошелъ къ человѣку, отрывавшему билеты, и задравъ голову, спросилъ дѣловито:

—Вамъ мальчики тутъ нужны, чтобъ играть?

—Пошелъ, пошелъ. Не болтайся тутъ.

Подождавъ, пока билетеръ отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился передъ завѣтной дверью, за которой гремѣла музыка.

—Вашъ билетъ, молодой человѣкъ,— остановила его билетерша.

—Слушайте,— сказалъ Володька.—Тутъ у васъ въ театрѣ сидитъ одинъ господинъ съ черной бородой. У него дома случилось несчастье —жена умерла. Меня прислали за нимъ. Позовите-ка его!

—Ну, стану я тамъ твою черную бороду нскать—иди самъ и ищи!

Володька, заложивъ руки въ карманы, побѣдоносно вступилъ въ театръ и сейчасъ же, высмотрѣвъ свободную ложу, усѣлся въ ней, устремивъ на сцену свой критическій взоръ.

Сзади кто-то похлопалъ по плечу.

Оглянулся Володька: офицеръ съ дамой.

—Эта ложа занята,— холодно замѣтилъ Володька.

—Кѣмъ?!

—Мною. Рази не видите?

Дама разсмѣялась, офицеръ направился было къ капельдинеру, но дама остановила его:

—Пусть посидитъ съ нами, хорошо? Онъ такой маленькій и такой важный. Хочешь съ нами сидѣть?

—Сидите ужъ,—разрѣшилъ Володька.— Это что у васъ? Программка? А ну, дайте...

Такъ сидѣли трое до конца первой серіи.

—Уже конецъ?— грустно удивился Володька, когда занавѣсъ опустился—Бѣдному жениться— ночь коротка. Эта программка вамъ уже не нужна?

—Не нужна. Можешь взять ее на память о такой пріятной встрѣчѣ.

Володька дѣловито освѣдомился:

—Почемъ платили?

—Пять рублей.(*)

—Продамъ на вторую серію,—подумалъ Володька и, подцѣпивъ по пути изъ сосѣдней ложи еще одну брошенную программку, бодро отправился съ этимъ товаромъ къ главному выходу.

Когда онъ вернулся домой, голодный, но довольный — у него въ карманѣ вмѣсто фальшиваго брилліанта были двѣ настоящія пятирублевки.

* * *

*) Кажущаяся огромной цѣна программы не должна, однако удивлять читателя: мой Володька жилъ въ Крыму — въ героическія времена бѣло гвардейской Вандеи. А. А.

На другое утро Володька, зажавъ въ кулакѣ свой оборотный капиталъ, долго бродилъ по уиицамъ, присматриваясь къ дѣловой жизни города и прокидывая глазомъ —во что бы лучше вложить свои денежонки.

А когда онъ стоялъ у огромнаго зеркальнаго окна кафе—его осѣнило.

—Была не была - повидаться надо,—подстегнулъ онъ самъ себя. нахально входя въ кафе.

—Что тебѣ, мальчикъ?—спросила продавщица.

—Скажите пожалуйста, тутъ неприходила дама съ сѣрымъ мѣхомъ и съ золотой сумочкой?

—Нѣтъ, не было.

—Ага. Ну, значитъ, еще не пришла. Я подожду ее.

И усѣлся за столикъ.

—Главное—подумалъ онъ, — втереться сюда. Попробуй - ка, выгони потомъ: я такой ревъ подыму!...

Онъ притаился въ темномъ уголку и сталъ выжидать, шныряя черными глазенками во всѣ стороны.

Черезъ два столика отъ него старикъ дочиталъ газету, сложилъ ее и принялся за кофе.

Господинъ, — шепнулъ Володька, подойдя къ нему. — Сколько заплатили за газету.

— Пять рублей.

— Продайте за два. Все равно вѣдь прочитали.

— А зачѣмъ она тебѣ?

— Продамъ. Заработаю.

— О-о.. Да ты, братъ, дѣляга. Ну, на. Вотъ тебѣ трешница сдачи. Хочешь сдобнаго хлѣба кусочекъ?

— Я не нищій,— съ достоинствомъ возразилъ Володька.—Только вотъ на елку заработаю — и шабашъ. Не до жиру — быть бы живу.

Черезъ полчаса у Володьки было пять газетныхъ листовъ, немного измятыхъ, но вполнѣ приличныхъ на видъ.

Дама съ сѣрымъ мѣхомъ и съ золотой сумочкой такъ и не пришла. Есть нѣкоторое основаніе думать, что существовала она только въ разгоряченномъ Володькиномъ воображеніи.

Прочитавъ съ привеликимъ трудомъ совершенно ему непонятный заголовокъ: „Новая позиція Ллойдъ Джорджа», Володька какъ безумный, помчался по улицѣ, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

— Интер-ресныя новости! Новая позиція Ллойдъ-Джорджа — цѣна пять рублей. Новая позиція за пять рублей!!

А передъ обѣдомъ, послѣ ряда газетныхъ операцій, его можно было видѣть идущимъ съ маленькой коробочкой конфетъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, еле видимаго изъ подъ огромной фуражки.

На скамейкѣ сидѣлъ праздный господинъ. лѣниво покуривая папиросу.

— Господинъ, — подошелъ къ нему Володька.—Можно васъ что-то спросить?..

— Спрашивай, отроче. Валяй!

— Если полфунта конфетъ 27 штукъ, стоятъ 55 рублей, такъ сколько стоитъ штука?

— Точно, братъ, трудно сказать, но около двухъ рублей штука. А что?

— Значитъ, по пяти рублей выгодно продавать? Ловко! Можетъ, купите?

— Я куплю пару съ тѣмъ, что-бы ты самъ ихъ и съѣлъ.

— Нѣтъ, не надо, я не нищій. Я только торгую... Да купите! Можетъ, знакомому мальчику отдадите.

— Эхъ-ма, уговорилъ! Ну, давай на керенку, что ли . . . . . .

. . . . . .

Володькина мать пришла со своей бѣлошвейной работы поздно вечеромъ...

На столѣ, за которымъ положивъ голову на руки сладко спалъ Володька, стояла крохотная елочка, украшенная парой яблокъ, одной свѣчечкой и тремя-четырьмя картонажами—и все это имѣло прежалкій видъ.

У основанія елки были разложены подарки: чтобы не было сомнѣнія, что кому

предназначено, около цвѣтныхъ карандашей была положена бумажка съ корявой надписью:

— „Дли Валоди“.

А около пары теплыхъ перчатокъ другая бумажка съ еще болѣе корявымъ предназначеніемъ:

— «Дли мами»...

Крѣпко спалъ продувной мальчишка, и неизвѣстно гдѣ, въ какихъ сферахъ витала его хитрая купеческая душонка. . , .

———

Разговоръ въ школѣ.

Посвящаю Аріаднѣ Румановой.

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующихъ лагеря. Нѣтъ—это были просто два противоположныхъ лагеря. Два непонимающихъ другъ друга лагеря. Два снисходительно относящихся другъ къ другу лагеря.

Одинъ лагерь заключался въ высокой, блѣдной учительницѣ „школы для мальчиковъ и дѣвочекъ", другой лагерь былъ числомъ побольше. Раскинулся онъ двумя десятками стриженыхъ или украшенныхъ скудными косичками головокъ, склоненныхъ надъ ветхими партами... Всѣ головы, какъ единообразно вывихнутыя, скривились на лѣвую сторону, всѣ языки были прикушены маленькими мышиными зубенками, а у Рюхина Андрея отъ излишка вниманія, даже тонкая нитка слюны изъ угла рта выползла.

Скрипъ грифелей, запахъ полувысохшихъ чернилъ и вздохи, вздохи—то облегченія, то натуги и напряженія—вотъ чѣмъ наполнялась большая полутемная комната.

А за открытымъ окномъ, вызолоченныя до половины солнцемъ — качаются старыя акаціи, а какая-то задорная суетливая пичуга раскричалась въ зелени такъ, что за нее дѣлается страшно — вдругъ разрывъ сердца! А издали съ рѣки доносятся крики купающихся мальчишекъ, а лучи солнца, ласковые, теплые, какъ рука матери, проводящая по головенкѣ своего любимца, лучи солнца льются съ синяго неба. Хорошо, чортъ возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и камнемъ вылетѣть изъ пыльной комнаты тихаго училища —побѣжать по сонной отъ зноя улицѣ, выдѣлывая ногами самые неожиданные курбеты.

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно, среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходитъ въ голову сокрушительный вопросъ:

— А зачѣмъ, въ сущности, учиться? Дѣйствительно ли это нужно?

Кругликовъ Капитонъ человѣкъ смѣлый и за словомъ въ карманъ не лѣзетъ.

— А зачѣмъ мы учимся? — спрашиваетъ онъ, въ упоръ глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти отъ любопытства, отчасти отъ ужаса, что онъ осмѣлился задать такой жуткій вопросъ.

— Чудакъ, ей Богу, ты человѣкъ, —усмѣхается учительница, проводя мягкой ладонью по его головѣ противъ шерсти. — Какъ зачѣмъ? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ окружающемъ.

— А если не учиться?

— Тогда и культуры никакой не будетъ.

— Это какой еще культуры?

— Ну . . . такъ тебѣ трудно сказать. Я лучше всего объясню на примѣрѣ. Если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Іоркѣ...

— Я была, — раздается тонкій пискъ у самой стѣны.

Всѣ изумленно оборачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Откуда?

Очевидно, въ школахъ водится особый школьный бѣсенокъ, который вертится между партами, толкаетъ подъ руку и выкидываетъ, вообще, всякіе кренделя, которые потомъ сваливаетъ на ни въ чемъ неповинныхъ учениковъ . . . Очевидно, это онъ дернулъ Наталью Пашкову за жиденькую косичку, подтолкнулъ въ бокъ, — шепнулъ: «Скажи, что была, скажи!».

Она и сказала.

— Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну, когда ты была въ Нью-Іоркѣ? Съ кѣмъ?

Наталья рада бы сквозь землю провалиться: дѣйствительно — чортъ ее дернулъ сказать это, но слово, что воробей: вылетитъ, не поймаешь.

— Была. . . Ей Богу, была. . . Позавчера. ... съ папой.

Ложь, сплошная ложь: и папы у нея нѣтъ, и позавчера она была, какъ и сегодня, въ школѣ, и до Нью-Іорка три недѣли ѣзды.

Наталья Пашкова легко, безъ усилій, разоблачается всѣмъ классомъ и, плачущая, растерянная, окруженная общимъ молчаливымъ презрѣніемъ—погружается въ ничтожество.

— Такъ вотъ, дѣти: если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Іоркѣ, онъ бы увидѣлъ огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагоновъ трамвая, электричество, подъемныя машины и все это — благодаря культурѣ. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лѣтъ этому городу? Лѣтъ сто-полтораста — не больше!!

— А что было раньше тамъ?—спросилъ Рюхинъ Андрей, выгибая натруженную работой спину такъ, что она громко затрещала: будто орѣхи кто-нибудь просыпалъ.

— Раньше? А вотъ вы сравните, что было раньше: раньше былъ непроходимый лѣсъ, перепутанный ліанами. Въ лѣсу разное дикое звѣрье, пантеры, волки, лѣсъ переходилъ въ дикіе луга, по которымъ бродили

огромные олени, бизоны, дикія лошади... А, кромѣ того, въ лѣсахъ и на лугахъ бродили индѣйцы, которые были страшнѣй дикихъ звѣрей — убивали другъ друга и бѣлыхъ, и снимали съ нихъ скальпъ. Вотъ вы теперь и сравните, что лучше: дикіе поля и лѣса со звѣрьемъ, индѣйцами, безъ домовъ и электричества, или — широкія улицы, трамваи, электричество и полное отсутствіе дикихъ индѣйцевъ?!..

Учительница однимъ духомъ выпалила эту тираду и побѣдоносно оглядѣла всю свою команду: что, молъ съѣли?

— Вотъ видите, господа... И разберите сами: что лучше — культура или такое житье? Ну, вотъ ты, Кругликовъ Капитонъ... Скажи ты: когда, значитъ, лучше жилось: тогда или теперь?

Кругликовъ Капитонъ всталъ и, послѣ минутнаго колебанія, пробубнилъ, какъ майскій жукъ:

— Догда лучже.

— Что?! Да ты самъ посуди, чудакъ:

раньше было плохо, никакихъ удобствъ, всюду звѣри, индѣйцы, а теперь дома, трамваи, подъемныя машины... Ну? Когда же лучше — тогда или теперь?

— Тогда.

— Ахъ ты, Господи... Ну, вотъ ты, Полторацкій—скажи ты: когда было лучше: раньше или теперь?

Полторацкій, недовѣрчиво, исподлобья, глянулъ на учительницу (а вдругъ единицу вкатитъ) и увѣренно сказалъ:

— Раньше лучше было.

— О, Богъ мой!! Слизняковъ, Гавріилъ!

— Лучшее было. Раньшее.

— Прежде всего—не раньшее, а раньше. Да что вы, господа, — затменіе у васъ въ головѣ, что ли? Тутъ вамъ и дома и электричество...

— А на что дома? — цинично спросилъ толстый Фитюковъ.

— Какъ на что? А гдѣ же спать?

— А у костра? Завернулся въ одѣяло и

спи сколько влѣзетъ. Или въ повозку залѣзь. Повозки такія были. А то подумаешь: дома!

И онъ поглядѣлъ на учительницу не менѣе побѣдоносно, чѣмъ до этого смотрѣла она.

— Но вѣдь электричества нѣтъ, темно, страшно...

Семенъ Заволдаевъ снисходательно поглядѣлъ на разгорячившуюся учительницу...

— Темно? А костеръ вамъ на что? Лѣсу много — жги сколько влѣзетъ. А днемъ и такъ себѣ свѣтло.

— А вдругъ звѣрь подберется.

— Часового съ ружьемъ нужно выставлять, вотъ и не подберется. Дѣло извѣстное.

— А индѣйцы подберутся сзади, схватятъ часового да на васъ...

— Съ индѣйцами можно подружиться. Есть хорошія племена, приличныя...

—Делаварское племя есть, — поддержалъ кто-то сзади. — Они бѣлыхъ любятъ. Въ крайнемъ случаѣ, можно на мустангѣ ускакать.

Стриженныя головы сдвинулись ближе,

будто чѣмъ-то объединенныя, — и голоса затрещали, какъ сотня воробьевъ на вѣткахъ акаціи.

—А у городѣ у вашемъ одного швейцара на лифтѣ раздавило.., Вотъ вамъ и городъ.

— А у городѣ мальчикъ недавно подъ трамвай попалъ!

— Да просто у городѣ у вашемъ скучно —вотъ и все,—отрубилъ Слизняковъ Гавріилъ.

— Скверные вы мальчишки—просто вамъ не приходилось быть въ лѣсу среди дикихъ звѣрей—вотъ и все.

— А я была,—пискнула Наталья Пашкова, которую не оставлялъ въ покоѣ школьный бѣсъ.

— Вретъ она,—загудѣли ревнивые голоса,—Что ты все врешь да врешь. Ну, если ты была—почему тебя звѣри не съѣли, ну, говори?

—Станутъ они всякую заваль лопать, — язвительно пробормоталъ Кругликовъ Капитонъ.

— Кругликовъ!

—А чего жъ она... Вы же сами говорили что врать грѣхъ. Вретъ, ей Богу, все время.

— Не врать, а лгать. Однако, послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну, какъ же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперь есть и хлѣбъ, и масло, и сахаръ, и пирожное, а раньше этого ничего не было.

— Пирожное!!

Ударъ былъ очень силенъ и мѣтокъ, но Кругликовъ Капитонъ быстро отъ него оправился,

— А плоды разные: финики, бананы, — вы не считаете?! И покупать не нужно-ѣшь, сколько влѣзетъ. Хлѣбное дерево тоже есть — сами же говорили.. сахарный тростникъ. Убилъ себѣ бизона, навялилъ мяса и гуляй себѣ, какъ баринъ.

—Рѣчки тамъ тоже есть, — поддержалъ сбоку опытный рыболовъ. — Загни булавку, да лови рыбу сколько твоей душенькѣ угодно.

Учительница прижимала обѣ руки къ груди, бѣгала отъ одного къ другому, кри-

чала, волновалась, описывала всѣ прелести городской безопасной жизни, но всѣ ея слова отбрасывались упруго и ловко, какъ мячикъ. Оба лагеря совершенно не понимали другъ друга. Культура явно трещала по всѣмъ швамъ, энергично осажденная, аттакованная индѣйцами, кострами, пантерами и баобабами...

—Просто вы всѣ скверные мальчишки — пробормотала уничтоженная учительница лишній разъ щегольнувъ нелогичностью, столь свойственной ея слабому полу. — Просто вамъ нравятся дикія игры, стрѣляніе изъ ружья — вотъ и все. Вотъ мы спросимъ дѣвочекъ... Клавдія Кошкина - что ты намъ скажешь? Когда лучше было-тогда или теперь?

Отвѣтъ былъ ударомъ грома при ясномъ небѣ.

—Тогда, — качнувъ огрызкомъ косички сказала веснущатая блѣднолицая Кошкина.

—Ну, почему? Ну, скажи ты мнѣ - почему, почему?..

—Травка тогда была... я люблю... Цвѣты были.

И обернулась къ Кругликову — признанному спеціалисту по дикой первобытной жизни:

—Цвѣты - то были?

—Сколько влѣзетъ было цвѣтовъ,—оживился спеціалистъ,—огромадные были — тропическіе. Здоровенные, пахнутъ тебѣ — рви сколько влѣзетъ.

—А въ городѣ чорта пухлаго найдешь ты цвѣты. Паршивенькая роза рубль стоитъ.

Посрамленная, уничтоженная учителница заметалась въ послѣднемъ предсмертномъ усиліи:

—Ну, вотъ пусть намъ Катя Иваненко скажетъ... Катя! Когда было лучше?

—Тогда.

—Почему?!!

—Бизончики были, — нѣжно проворковала крохотная дѣвочка, умильно склонивъ свѣтлую головенку на бокъ.

--Какіе бизончики?.. Да ты ихъ когда-нибудь видѣла?

—Скажи-видѣла!— шепнула, подталкиваемая бѣсомъ Пашкова.

—Я ихъ не видѣла, —призналась простодушная Катя Иваненко. — А только они навѣрное хорошенькіе...

И, совсѣмъ закрывъ глаза, простонала:

—Бизончики такіе... Мохнатенькіе, съ мордочками. Я бы его на руки взяла и въ мордочку поцѣловала...

Кругликовъ— спеціалистъ по дикой жизни — дипломатично промолчалъ насчетъ неосуществимости такого буколическаго намѣренія сантиментльной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосомъ:

—Ну. хорошо же! Если вы такіе — не желаю съ вами разговаривать. Кончайте рѣшеніе задачи, а кто не рѣшитъ — пусть тутъ сидитъ хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И всѣ рѣшили задачу, кромѣ бѣдной, чистой сердцемъ, Катерины Иваненко: бизонъ все время стоялъ между ея глазами и грифельной доской...

Сидѣла, маленькая, до сумерокъ.

———

Костя.

I.

Всѣ прочія дѣти не любили его, маленькаго, хрупкаго, съ прозрачнымъ личикомъ и причудливо растрепавшимися каштановаго цвѣта кудрями.

Не любили. Почему?

Можетъ быть, по той же самой причинѣ, по которой взрослые не любятъ взрослыхъ, подобныхъ ему, свѣтлоглазому задумчивому Костѣ.

Та и другая сторона мѣняетъ только возрастъ. А нелюбовь остается прежняя.

У дѣтей нелюбовь къ Костѣ общая, дружная. Стоитъ только приблизиться ему къ пестрой разноцвѣтной группѣ мальчишекъ и дѣвчонокъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднимается согласный щебетъ и писк:

— Пошелъ! Пошелъ вонъ! Убирайся! Мы не хотимъ!

Постоявъ немного, онъ вздыхалъ и пробовалъ начать нерѣшительно и мягко:

— А у насъ вчера во дворѣ дворникъ копалъ яму для дерева и наткнулся лопатой на что-то твердое. Посмотрѣли, а тамъ кости, черепъ и большая желѣзная шкатулка... Открыли ее, а въ ней...

— Убирайся! Проваливай, не надо! Вотъ еще, ей Богу, лѣзетъ тутъ...

Снова онъ покорно вздыхалъ и отходилъ въ сторону. Садился на нагрѣтую солнцемъ скамью сквера и погружался въ задумчивость.

Какой-нибудь досужій господинъ, сидѣвшій подлѣ и тронутый его задумчиво-меланхолическимъ видомъ, опускалъ тяжелую руку на его хрупкое, какъ скорлупа яйца, темя и общительно спрашивалъ:

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Джимъ...

— А, вотъ какъ! Ты развѣ не русскій?

— Нѣтъ, англичанинъ, сэръ.

— Вотъ оно что!.. А почему же ты такъ хорошо говоришь по русски?

— Мы бѣжали изъ Лондона съ отцомъ, когда я былъ совсѣмъ маленькимъ.

— Бѣжали? Что ты говоришь! Съ какой радости вамъ нужно было бѣжать?

Задумчивые глаза ребенка поднимались къ небу и съ минуту слѣдили за плывущимъ на неизмѣримой высотѣ облакомъ.

— О, это тяжелая исторія, сэръ. Дѣло въ томъ, что мой отецъ убилъ человѣка.

Господинъ испуганно вздрагивалъ и чуть чуть, такъ на полвершка, отодвигался отъ задумчиваго мальчика, говорящаго простымъ, ровнымъ тономъ столь ужасныя вещи.

— Убилъ человѣка? За что?

— Вы знаете, что такое Сити, сэръ?

— Чортъ его знаетъ! Ну!?

— Въ Сити былъ банкъ, да и сейчасъ онъ есть, такъ называемый „ Голландскій Соединенный ".Мой отецъ сначала служилъ тамъ клеркомъ, а потомъ, благодаря своей честности, сдѣлался кассиромъ. И вотъ,однажды ночью, когда онъ пришелъ привести въ поря-

докъ немного запутанные счета, онъ увидѣлъ фигуру, крадущуюся по коридору, по направленію къ кладовымъ, въ которыхъ хранилось золото. Отецъ спрятался и сталъ слѣдить... И кто же вы думаете это оказался? Директоръ банка! Онъ вошелъ въ кладовую, набилъ портфель золотомъ и банковыми билетами и только вышмыгнулъ изъ кладовой, какъ отецъ схватилъ его за горло. Отецъ понималъ, что если тотъ уйдетъ, то, конечно, вся вина за происшедшее падетъ на отца... Отчаяніе придало ему силу. Произошла борьба, и отецъ задушилъ негодяя!.. Въ ту же ночь онъ пробрался домой, захватилъ меня, мы переплыли въ какой-то скорлупѣ Темзу и бѣжали въ Россію.

— Бѣдная твоя головушка — сочувственно говорилъ господинъ, трепля малютку по плечу — А гдѣ же твоя мать?

— Сгорѣла, сэръ.

— Какъ сгорѣла?!

— Однажды лондонскіе мальчишки облили керосиномъ на улицѣ большую крысу и подожгли ее. Въ это время мимо шла за покупками моя мать. Горящая крыса въ ужасѣ

бросилась матери подъ пальто, и черезъ минуту мать моя представляла собой пылающій факелъ...

Ребенокъ, печально свѣсивъ голову, умолкалъ, а сердобольный господинъ чуть не рыдалъ надъ этимъ несчастнымъ сиротой, на котораго, казалось, былъ опрокинутъ цѣлый ящикъ Пандоры. ..

—Бѣдный крошка... Ну, пойдемъ я тебя отведу домой, а то и съ тобой случится что нибудь нехорошее.

Джимъ тихо усмѣхался.

— О, нѣтъ, сэръ. Со мной ничего не случится. Вы видите этотъ талисманъ? Онъ отъ всего предохраняетъ.

Малютка вынималъ изъ кармана деревянную свистульку и довѣрчиво показывалъ ее своему спутнику.

— Что же это за талисманъ?

— Мнѣ его дала одна старая татарка въ Крыму. Мы, я помню, стояли съ ней на высокомъ обрывѣ у самаго моря. И что же: только что она мнѣ его передала, какъ сейчасъ

же оступилась, изъ подъ ногъ ее выскользнулъ камень, и она полетѣла съ громадной высоты въ море.

— Чудеса! Прямо таки чудеса. Такъ ты вотъ здѣсь и живешь? Ну прощай, Джимъ, будь счастливъ, милый мальчикъ

Джимъ бодро взбѣжалъ по лѣстницѣ, а господинъ долго провожалъ задумчивымъ взглядомъ удивительнаго ребенка...

Такъ долго стоялъ онъ, что швейцариха съ подтыканной юбкой подходила къ нему и спрашивала:

— Вы къ кому?

— Я не къ кому... Скажите, кто этотъ мальчикъ, который взбѣжалъ сейчасъ по лѣстницѣ?

—Это сынишка Черепициныхъ, Костя. А что, развѣ?

— Какъ?! Развѣ онъ не англичанинъ?

— Съ какой это радости? Простой себѣ мальчишка. Нешто опять навралъ чего-нибудь?.. И сколько это его мать не муштруетъ, все безъ толку...

— У него развѣ есть мать? Она жива?

—Чего ей сдѣлается. Живехонька. Только вгонитъ онъ ее въ гробъ своей брехней, помяните мое слово. И что это за врущій такой мальчишка, даже удивительно!.. По всей улицѣ его ужъ знаютъ за такого, накажи меня Богъ.

II.

На продолжительный Костинъ звонокъ дверь открывала горничная Ульяша.

—Гдѣ это вы, Костенька, шатались до до сихъ поръ?

—На улицѣ задержался. Тамъ нашего дворника Степана автомобилемъ переѣхало, такъ я смотрѣлъ. Погляди, у меня сзади башмакъ не въ крови? ..

—Какъ переѣхало?! Степана?! Совсѣмъ?

—Да. Дѣло въ томъ, что лошади взбѣсились и понесли какую-то красивую барыню, а Степанъ бросился, схватилъ ихъ подъ уздцы...

—Ну, что вы, Костенька, врете: то лошадь, то автомобиль... Вѣчно какую нибудь юрунду размажете.

—Нѣтъ, не ерунду. Эта графиня сказала что если его вылѣчатъ, она выйдетъ за него замужъ,

—Ладно тамъ. Врите больше, Обѣдъ уже совсѣмъ застылъ. Мама уѣхала, а старая барыня ждетъ васъ.

Покачиваясь на тонкихъ ногахъ, Костя дѣлалъ таинственное лицо и шелъ въ столовую.

—Ты чего опаздываешь? — обрушивалась на него бабушка. — Гдѣ носило?

—Да я ужъ часъ назадъ былъ у самыхъ нашихъ дверей, да пришлось повернуть обратно. Очень интересная исторія.

—Что тамъ еще?

—Понимаете, только что я подхожу къ нашимъ дверямъ, смотрю: двое какихъ то стоятъ, возятся надъ замочной скважиной. Одинъ говоритъ другому: «Воскъ крѣпкій, оттискъ не выходитъ», а тотъ, что пониже, отвѣчаетъ: «Нажми сильнѣе, выйдетъ.»

—Костечка! — со стономъ всплескиваетъ руками бабушка —Да вѣдь ты врешь? Опять врешь?!

—Ну, хорошо, ну, пусть вру, — саркастически усмѣхается Костя. — А вотъ когда заберутся, да стянутъ у насъ все, да прирѣжутъ насъ, тогда будете знать, какъ вру. Мнѣ что: мое дѣло—сказать...

Бабушка мечется въ безысходномъ отчаяніи:

— Костечка, да вѣдь ты врешь! Вѣдь, по глазамъ вижу, что сейчасъ только выдумалъ?

— Выдумалъ?—медленно говоритъ Костя такимъ тономъ, отъ котораго дѣлается жутко. — А если я вамъ этотъ кусокъ воска покажу ... тогда тоже выдумалъ?

— Какъ же онъ къ тебѣ попалъ?

— Очень просто: они сѣли на извозчика, я прицѣпился сзади, а когда мы пріѣхали на окраину города, я пробѣжалъ мимо низенькаго, будто нечаянно толкнулъ его, и въ это время вынулъ изъ кармана оттискъ. Вотъ онъ!..

Изъ кармана извлекается та же деревянная свистулька и издали показывается подслѣповатой бабушкѣ.

Сердце бабушки терзаетъ сомнѣніе: конечно вретъ, а вдругъ — правда?.. Бываютъ же такіе случаи, что дѣлаютъ оттиски съ замочныхъ скважинъ, забираются и убиваютъ... Еще вчера она читала о такомъ случаѣ... Надо, на всякій случай, сказать Ульяшѣ, чтобы закрывала ночью дверь на цѣпочку.

— Позови ко мнѣ Ульяшу!..

Костя послушно мчится въ переднюю и испуганно кричитъ Ульяшѣ, разговаривающей съ кѣмъ то по телефону:

— Ульяша?! Опять забыла завернуть на кухнѣ кранъ отъ водопровода! Полная кухня воды, уже всѣ вещи въ окно плывутъ...

Телфонная трубка со стукомъ ударяется объ стѣнку, Ульяша, опрокидывая все на своемъ пути, мчится на кухню.

Черезъ минуту тяжелая сцена:

— Костенька!! Вы опять соврали? Опять выдумка? Вотъ ей Богу, нынче же расчетъ возьму, не могу больше служить...

— Мнѣ показалось, что вода течетъ, — робко оправдывается Костя, глядя на разъя-

ренную дѣвушку молящими глазами. — Мнѣ шумъ воды слышался...

Богъ его знаетъ, этого кроткаго, безобиднаго ребенка. Можетъ быть, ему, дѣйствительно показалось, что два господина, мирно закуривавшіе на ихъ площадкѣ папиросу — на самомъ дѣлѣ пытались снять восковые слѣпки съ замковъ.

III.

Вечеромъ Костя сидѣлъ у письменнаго стола въ кабинетѣ отца и широко открытыми немигающими глазами глядѣлъ на быстро мелькавшіе среди бумагъ отцовскія руки.

— Ты гдѣ былъ нынче, Костя? — спросилъ отецъ.

— Въ скверѣ.

— Что тамъ видѣлъ хорошенькаго?

— Видѣлъ маму Лидочки Прягиной.

— Что ты, чудачина! вѣдь Лидочкина мама умерла.

— Вотъ это-то и удивительно. Я сижу на скамейкѣ, а откуда-то изъ за кустовъ,

вдругъ такое сѣрое облако... Ближе, ближе — смотрю Лидочкина мама. Печальная такая. Страшно быстро подбѣжала къ Лидочкѣ, положила руку ей на голову, погрозила мнѣ пальцемъ и тихонько ушла.

— Та-а-а-къ-съ, — протянулъ отецъ, глядя на сына смѣющимися глазами. — Бываетъ.

— Что это у тебяза бумага? — освѣдомился Костя, заглядывая черезъ плечо отца. — Пистолетъ нарисованъ.

— Это? Это, братъ, счетъ, изъ оружейнаго магазина. Я револьверъ покупалъ для нашего банка.

— Револь...веръ?

— Да нашему артельщику, который возитъ деньги.

— Револьверъ?

Широко открытыми, немигающими глазами глядѣлъ Костя въ улыбающееся лицо отца. Его мысли уже гдѣ-то далеко. А по лицу мимолетными неуловимыми тѣнями скользили какія-то легкія еле намѣченныя, какъ паутина, мысли.

Онъ вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста и поспѣшно, неслышными шагами выскользнулъ изъ кабинета. Какъ вихрь, промчался черезъ двѣ комнаты и, какъ вихрь, съ растрепанными кудрями влетѣлъ въ комнату мирно работающей за столомъ матери.

— Мама! Съ папой нехорошо!!

— Что такое? Что?!

— Я вхожу къ нему, а онъ лежитъ у стола въ кабинетѣ на коврѣ и около него револьверъ валяется... На лбу пятнышко, а въ комнатѣ пахнетъ какъ то странно...

Дикій страшный крикъ отвѣтомъ ему.....

. . . . . .

— Ну, что я съ нимъ буду дѣлать? — плачетъ мать, глядя почти съ ненавистью на Костю, испуганнаго, робко, какъ птичка въ непогоду, прижавшагося къ могучему плечу отца. — Вѣдь этотъ мальчишка своей ложью, своими выдумками можетъ цѣлый домъ съ ума свести. Горничная его ненавидитъ, а дѣти его гонятъ отъ себя, какъ паршивую со-

бачонку. Прямо какой-то жуткій ребенокъ. Ну ты себѣ можешь представить, что съ нимъ будетъ, когда онъ вырастетъ!!

— Къ сожалѣнію, представляю, — вполголоса говоритъ отецъ, прижимая къ плечу каштановую, растрепанную голову неудачливаго своего сына. — Вырастетъ онъ, и такъ же его будутъ гнать всѣ отъ себя, не понимать и смѣяться надъ нимъ.

— Да что жъ онъ будетъ дѣлать, когда вырастетъ?!

— Милая, — скорбно говоритъ отецъ, качая сѣдѣющей головой. — Онъ будетъ —поэтомъ.

———

Библиотека
Коммунистической
Академии.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе 5
Руководство къ рожденію дѣтей . 21
Подъ столомъ 32
Три жолудя 47
Душистая гвоздика 57
Куличъ 84
Разговоръ въ школѣ 71
Продувной мальчишка 84
Костя 97